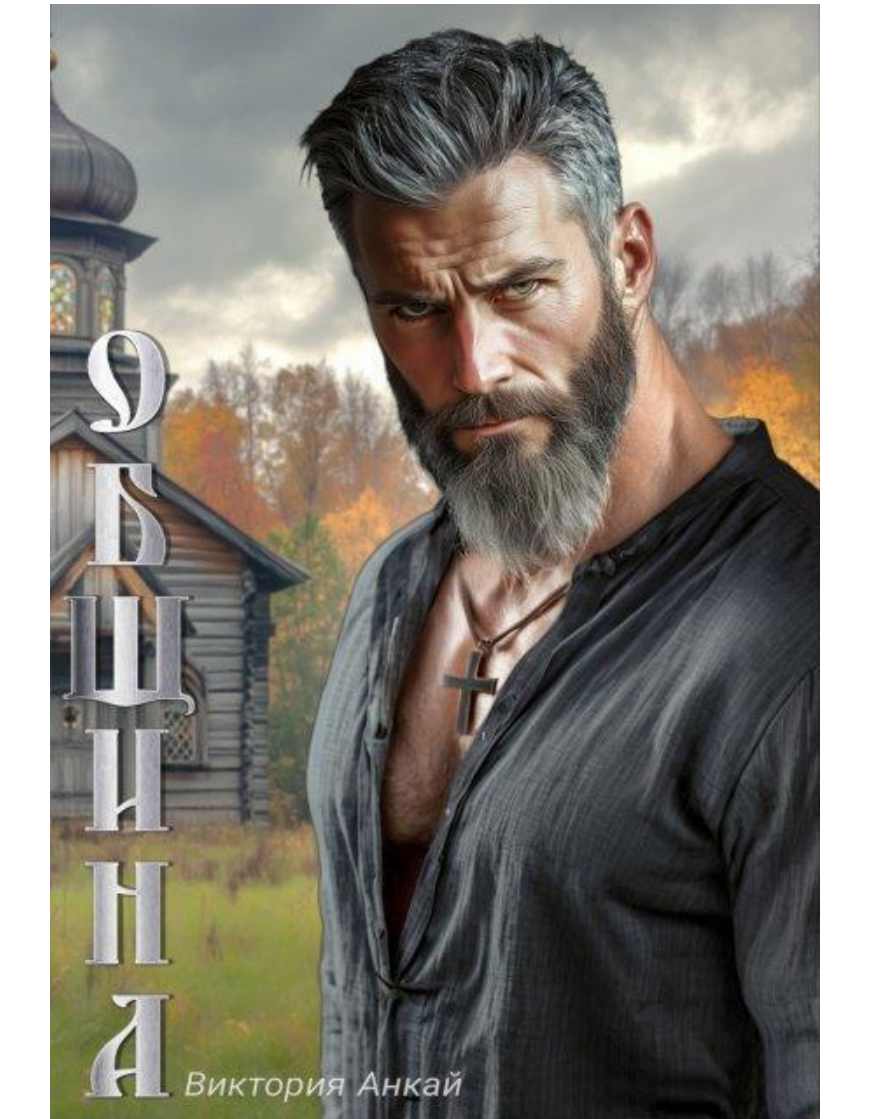

A man with a grey beard and hair, wearing a dark shirt and a cross necklace, stands in a field. In the background, there is a wooden house with a dome and trees with autumn foliage under a cloudy sky.

О Б Щ И Н А

Виктория Анкай

Виктория Анкай

Община

<https://litres.ru/74205362>

Аннотация

Тяжёлый развод, перечеркнувший двадцать лет вполне счастливого брака, бесконечные неприятности на фоне депрессии и полнейшего бессилия, невыстраданная боль одиночества...

Да, я неистово молилась о том, чтобы всё в моей жизни стало иначе. Я отчаянно хотела перемен, до сумасшествия мечтала вернуть семью, безумно нуждалась в мужчине.

И Бог услышал меня...

ВНИМАНИЕ!!!

#альтернативная_Россия#

мирская_грязь и сцены_секса_спорного_характера

Все герои, их образ жизни и порядки всецело выдуманы автором и не имеют ничего общего с реальностью!!! (Впрочем, как всегда;))

Мжм нет!

Содержит сцены курения и употребления алкоголя

Содержание

1	4
2	15
3	28
4	39
5	51
6	64
7	75
8	86
9	98
10	109
11	120
12	133
13	143
14	155
15	167
16	178
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Телефон продолжал транслировать длинные беспощадные гудки.

Я со злостью сбросила вызов, давась судорожным всхлипом и вытирая слёзы со щёк тыльной стороной ладони. Снова в очередной раз упрямо нажала на сенсорную кнопку...

Уже не стала прислонять мобильник к уху, ибо держать руль одной рукой становилось всё сложнее - сквозь бьющий в лобовое стекло ливень, от которого не спасали даже дворники, просматривалась слишком ухабистая грунтовая дорога. Господи, куда меня вообще занесло? Плевать, потом навигатор включу...

Не отрывала взгляд от экрана, мысленно проклиная Глеба и одновременно умоляя его всё-таки ответить на звонок. Ну как можно быть таким... таким мудаком?! Да, выпила, да, села за руль, да, хотела поговорить... А ему сложно? Мы развелись всего два месяца назад! Это у него уже вовсю отношения, которые начались задолго до того, как мы расстались! А я... Я даже думать не могу в эту сторону... Как он не понимает, насколько же мне одиноко?! Как... Как вообще...

Заревела взахлёб, ощущая полную и абсолютную беспомощность. Взвыла зверем, со всей дури ударяя кулаками по оплётке руля...

Хорошо там без меня, да?! Отлично просто - засунуть по-

что двадцать лет брака в задницу и весело шагать в новую прекрасную жизнь со своей Оксаной! А я?! Мне что делать?! Я же любила... До последнего любила... Я бы простила всё! И измену, и предательство, и всю ту боль, которая душила меня эти несколько месяцев...

...Колесо ухнуло в яму, и сердце на миг остановилось... Через секунду машина подпрыгнула, снова возобновила движение...

Сука! Ну какая же он сука... Я же просто хочу поболтать! Как раньше... Когда мы ещё были мужем и женой, когда между нами всё было хорошо... Ведь было же?! Как можно забыть всё, что мы пережили вместе... Ну как?! Да, дочь уже выросла и сама вышла замуж, но ведь именно сейчас у нас появилось время друг на друга! Так почему же Глеб нашёл другую вместо того, чтобы...

...На этот раз машину занесло.

В первый момент я была уверена, что справлюсь с управлением, потом внезапно запаниковала... После и вовсе бросила руль и закрыла ладонями лицо, чтобы не видеть стремительно приближающиеся кусты, завизжала так, что оглохла сама...

Всего пара секунд неистовой тряски и пронизывающего нутро ужаса.

Киа встала поперёк дороги, уйдя передними колесами в какую-то низкую канаву. Заглохла...

Я в сердцах прижала пальцы ко лбу. Рвано выдохнула, с

опозданием понимая, что мне чертовски повезло на самом деле - лететь под сотню на этой тропинке, где и колеи-то толком нет, было абсолютнейшим безрассудством...

Дура, да.

Подняла с коврика упавший телефон, лелея крошечную надежду... Нет. Не ответил, не перезвонил, не счёл нужным даже отправить смс-ку, чтобы я не беспокоила его больше. Таких сообщений за два месяца скопилось около пятидесяти штук в памяти моего мобильного, и их все я знала наизусть. Чувствовала, видела наяву, с какой интонацией они были написаны Глебом, в каком настроении... Господи, двадцать лет?! Ну как я теперь...

Как вообще жить дальше?

И надо ли...

Закрыла глаза, кусая губы и глотая бесконечные слёзы. Эти мысли не первый раз приходили в голову, да...

Конечно, легко рассуждать о том, что надо жить ради себя, что пришла пора ждать внуков, что рано или поздно всё будет хорошо... А если жить для себя - это не для таких, как я?! Я не умею одна! Не могу, не хочу, мне страшно, холодно, больно! Я хочу семью, своего мужика, хочу знать, что в моей жизни есть стабильность и близкий человек, который всегда рядом и поможет... Согреет, приласкает, наругает, посоветует, просто обнимет...

Заорала со всей мочи, стискивая голову ладонями и задыхаясь бессилием и этой агонией...

Я не могу так!

Господи, пожалуйста! Ну помоги мне! Ну сделай что-нибудь!

Пусть Глеб возьмёт трубку... Два слова! Просто услышать его голос... Мне не надо больше, честно! Мне станет легче...

Врала. Даже шепча эту короткую молитву, врала. Ибо два слова никак не получится - меня снова сорвёт с тормозов и разговор превратится в скандальную ругань... Чёрт побери, да! Да, я не из тех женщин, которые уходят гордо и красиво! Которые улыбаются, когда им говорят "прощай"! Я... Я просто не могу одна...

В упрямом отчаянии снова набрала номер бывшего мужа. Вновь расплакалась от монотонных гудков, на этот раз тихо и беззвучно...

Глеб, ну пожалуйста...

...Дождь зарядил с такой силой, что в радиусе двух метров сливались воедино высокие деревья и какие-то редкие деревенские постройки, стали неразличимы серое небо и клубившийся над землей мокрый туман. По крыше будто застучал град, оглушая этой какофонией непрерывной дробы...

Выдохнула. Откинулась на спинку кресла, глядя в потолок машины и пытаясь подавить очередной приступ отчаяния. На ощупь нашарила между кресел пачку сигарет и зажигалку, прикурила...

От знакомого тёплого дыма стало чуточку легче. Роднее что ли...

За эти два месяца я выкурила сигарет больше, чем за всю предыдущую жизнь. И ни дня не провела трезвой... Потому что мне больно, чёрт побери! Потому что я не хочу так! Не хочу принимать эту реальность, где у меня больше нет семьи, нет мужа, нет понимания смысла жизни...

Втянула носом горьковатый дым. Стиснула зубы, не позволяя себе снова скатиться в истерику.

Нужно выбраться отсюда, доехать до города, купить коньяка, забиться в угол на кухне, выпить столько, чтобы получилось заснуть. Типичный сценарий последних недель...

Затушила окуроч в пепельницу, поражаясь тому, насколько сильно дрожат мои собственные руки. Глубоко вздохнула, сдавливая пальцами ключ зажигания и настраиваясь на лучшее...

Осторожно попыталась завести машину. С третьего раза получилось...

Спасибо хоть на этом, Господи.

Переключила передачу, аккуратно и медленно вырулила из канавы - Киа не подвела, хоть и не сразу поймала сцепление с грунтом. Колёса тяжело заурчали, меся размокшую глину...

Крепко вцепилась в руль, медленно тронулась по дороге, с удивлением осматривая окрестности - очередную деревеньку, весьма колоритную и частично заброшенную. Поймала взглядом табличку с названием, но прочитать не успела...

Лишь через время поняла, что после после вынужденной остановки я выбрала не то направление - впереди тянулась нескончаемая просека. Чёрт побери, ну надо же было так встять...

Не без труда развернулась на узком пяточке, снова умудрившись пару раз заглушить двигатель. Водитель со стажем, ага...

Двинулась в обратный путь, опасаясь даже переключать передачу. Мало ли...

Не доезжая до той самой таблички с названием населённого пункта, машина внезапно дёрнулась. Задрожала всем корпусом. Но вроде выровнялась...

На небольшом подъёме Киа внезапно заглохла с противным бульканьем.

И почему-то больше не завелась... Никак.

Господи?! Ну услышь меня! Ну хоть раз в жизни!

Плача уже от досады на саму себя, на дождь и на всю эту дурацкую ситуацию, безрезультатно давила на ключ, пытаюсь повернуть его в замке. Наконец бросила взгляд на приборную панель...

Волосы на загривке зашевелились от какого-то фантомного ледяного холода - бензина не было. Вообще. И эта дурацкая лампочка, которую не видно из-под руля, если специально не смотреть на топливный датчик, по всей видимости давно уже пыталась просигнализировать об этом, но мне было не до неё...

Докаталась, мать вашу...

Ну за что?!

В порыве слепой надежды на то, что это и есть тот самый знак свыше, и сейчас Глеб точно возьмёт трубку, снова схватила телефон и нажала вызов...

Дура, блять! Возьмёт он, как же! Идиотка клиническая...

Отбросила мобильник на пассажирское кресло. Закрыла лицо руками, снова срываясь в слёзы, завывая от ощущения острой беспомощности...

Как оказалось, рыдать за рулём автомобиля удобно лишь в одном случае - когда абсолютно исправная машина летит по идеально ровной дороге, из динамиков орёт надрывная песня, а в душе помимо нестерпимого отчаяния и боли есть полное понимание контроля над собственной жизнью и смелостью и стабильное ощущение относительной свободы. А когда это всё вдруг заканчивается вынужденной остановкой в какой-то жопе мира под проливным дождём - хочется отложить процесс самобичевания и сделать хоть что-нибудь для спасения собственной шкуры. Ибо статус брошенной и преданной мужем разведёнки воспринимается намного трагичнее и возвышеннее, чем диагноз беспросветной глупой дуры, способной лишь попадать в неприятности по собственной вине...

Прикурила очередную сигарету. Включила навигатор на телефоне, тяжело вздохнула, со спутника разглядывая унылую окружающую местность... Красиво - кругом лес. Пе-

реключилась в режим карты... Поблизости целая группа небольших населённых пунктов, через сотню километров какой-то крошечный городок, он же районный центр, до родного города около четырёх часов езды. Всё не так и плохо...

Осталось решить что делать дальше. Эвакуатор? Деньги, нервы, время... Долго я тут просижу в одиночестве? Всё равно вылезу из машины и попробую хотя бы магазин какой-то найти - пить хочется... Может, проще как раз сунуться в деревню и попросить пару литров бензина? Заправка будет буквально в тридцати километрах отсюда, мне бы только до неё доехать... Ну не откажут же мне мужики, правда?! В деревнях все добрые обычно. Наверное... Но это всяко лучше, чем сидеть и бесконечно ждать. Ну а если не найдётся отзывчивых людей - тогда уж и эвакуатор можно...

Протёрла пальцами виски. Открыла бардачок, достала влажные салфетки, расчёску, освежающие конфеты... Вытерла опухшее от слёз лицо, стянула с невымытых два дня волос резинку, расчесалась, сделала аккуратный хвост. Закинула в рот сразу три пастилки... Нет, хмель от пары бокалов вина уже давно выветрился, но запах вполне мог остаться - нехорошо как-то...

Накинула лёгкую куртку, ибо больше в арсенале у меня ничего не было. Оглядела салон... Привычно сгребла брелок, мобильник, бумажник с правами и картами, пачку сигарет и зажигалку, затолкала это всё в небольшую спортивную сумку, перекинула ремень через плечо. Набросила капюшон, ре-

шительно толкнула дверцу...

Опешила от шума и влажности воздуха.

Побыстрее вылезти из машины меня заставила единственная мысль - если долго держать дверь открытой, падающая с неба вода просто зальёт и коврик, и кресло, и вообще всё...

Туфли мгновенно ушли каблуками в глинистое месиво, затопленное огромными лужами, стекающими стремительными грязными потоками в разные стороны с небольшого пригорка, где заглохла моя машина. Дождь обрушился сверху ледяной лавиной, буквально за долю секунды вымочив всю одежду вплоть до трусов...

Наверное, я сошла с ума, но мне вдруг захотелось рассмеяться. Ну или хотя бы просто улыбнуться дрожащими и посиневшими в момент губами - наконец-то и в моей жизни хоть что-то произошло. Пусть всего лишь ливень на лесной дороге, нелепая вынужденная стоянка в какой-то глухомани, но даже это лучше, чем несколько месяцев беззвучной пустоты и ощущения бетонной плиты, необратимо сомкнувшейся над головой... Сейчас кажется, что мир видит меня, слышит, помнит о моём существовании. Пусть проявляет себя враждебно, но он воспринимает меня как живой организм, а не как выработавшее последний ресурс существо, уже не нуждающееся ни в чём, кроме покоя...

Скинула капюшон - смысла в нём всё равно не осталось, только обзору мешает. С раздражением задрала повыше подол узкой юбки - она совсем прилипла к капроновым чулкам

и мешала сделать нормальный шаг. Чертыхаясь и то и дело рискуя застрять каблуками в грязи и потерять туфлю, с трудом двинулась в сторону деревни...

Вода местами закрывала щиколотки. Это были не стоячие лужи, это были натуральные журчащие реки, своим течением размывающие глину, землю и щебень. Неудивительно, что колеи здесь нет...

Руки замёрзли больше всего, и согреть их никак не получалось - ни в мокрых карманах куртки, ни подмышками. Зубы стучали друг об друга, но по большей части это сказывалось пережитое напряжение, ибо по спине уже катился пот от натуги и бесконечной необходимости удерживать равновесие на этой дурацкой дороге. Казалось бы - несколько сотен метров, которые по хорошему покрытию можно преодолеть за пару минут...

Я уже видела сквозь деревья ближайший домик. К нему вёл небольшой спуск с дороги. Дальше, по всей видимости, деревенька уходила вглубь рощи, а за ней вроде как открывалось поле, но из-за пелены дождя я могла ошибаться...

Почему-то я прошла мимо этого дома. То ли дорога здесь на удивление стала лучше, превратившись в старый, но вполне сносный асфальт, то ли мне было банально любопытно заглянуть за завесу деревьев, то ли просто хотелось отсрочить момент встречи с людьми...

Неожиданно для себя улыбнулась, увидев в ближайших кустах стаю птиц - воробьи и синицы резво летали вокруг

десятка деревянных кормушек, развешенных на разной высоте, абсолютно не обращая внимания на дождь. Весело чирикали, радуясь своей воробьиной жизни...

Я вообще рассматривала деревню как какую-то диковину - одно дело проезжать мимо подобных населённых пунктов на машине, и совсем другое - оказаться здесь вот так, лицом к лицу. Прочувствовать эту особую тишину, относительную, конечно, но совершенно не сравнимую даже со спальным районом родного мегаполиса. Вдохнуть непривычный нежный густой аромат набирающей силу листвы и плотный тяжёлый запах мокрой земли. Ощутить странную робость от близости величественного массивного леса, будто вплетённого природой в здешние дворы и участки, в привычную жизнь людей - то колесо на мощной ветви дуба, имитирующее детские качели, то прочно сколоченные доски между кленовыми сучьями на манер домика на дереве или смотровой площадки, то скворечники и кормушки на тонких стволах берёзы, то разбитые пёстрые клумбы вокруг молодых ещё елей, едва переросших фонарные столбы...

Сами дома, казалось, жили своей отдельной жизнью. Иногда встречались совсем неприглядные покосившиеся лачужки, даже не огороженные забором, но имеющие приусадебное хозяйство в виде ухоженного огорода и жирных... гусей?!

Остановилась, разглядывая неуклюжих домашних птиц, до нитки вымокших, как и я, под неутихающим ливнем, с той лишь разницей, что их это, похоже, совершенно не сму-

щало. Определённо не лебеди - тех полно в нашем городском парке, как и уток. Значит, точно гуси...

Достала телефон, сделала пару снимков. Ну а что, одно дело их в кино увидеть, а совсем другое - вот так, в паре метров от себя...

Я всё-таки обошла этих водоплавающих стороной, хоть и глазела на них с реальным любопытством - мало ли...

Заковыляла дальше, вертя головой по сторонам. Как параллельный мир, честное слово...

Иногда попадались не просто добротные коттеджи, а настоящие современные дворцы, с трудом различимые за высокими каменными оградами, утопающими в зелени клематисов и дикого винограда. Но и там нередко можно было заметить высокие теплицы, какие-то загоны для домашнего скота...

Периодически то тут, то там лаяли собаки, но на глаза не показывались, прячась за заборами. Гавкали совсем не агрессивно, скорее для порядка. Понятное дело - какой животине хочется в такую погоду вылезать из уютной будки и идти глазеть на какую-то странную мокрую тётку, проходящую мимо...

На пути довольно часто встречались перекрёстки, раза четыре точно, но я лишь провожала взглядом точно такие же дома, расходившиеся в разные стороны по обоим направлениям - нужно идти прямо, чтобы без проблем вернуться к брошенной на пригорке машине.

Чёрт, машина...

От мысли о бедной Киа, оставленной ветрам на забаву, во рту появился горький привкус разочарования - да, нужно возвращаться. Не просто к своему автомобилю, а в город, в привычную жизнь, в очередной приступ депрессии, в сознательную кому. Моё место там...

Я почти дошла до конца улицы. Оглянулась, прикидывая расстояние... Не меньше километра, да.

Здесь дворы располагались гораздо реже и на большем расстоянии друг от друга. Типичные деревенские домики, крепкие и почему-то кажущиеся по-своему уютными... Это как листва скрытые за невзрачной обложкой красочные яркие иллюстрации в интересной доброй сказке - мило, трепетно и немного завидно, хочется оказаться там на денёк, погостить, пройти путь Красной шапочки или усадить задницу на пресловутую горошину под матрасом, но потом - сразу домой. В привычный современный мир, в родную квартиру, к любимым проблемам и знакомой до боли повседневности. Просто небольшое приключение...

Чуть дальше вела уже не асфальтированная дорога, а грунтовая, хоть и достаточно твёрдая - то тут, то там из-под земли торчали гладкие булыжники, между которых быстро уходила вода... Деревенская мостовая что ли?! Круто... Со стороны.

Подняла голову, вглядываясь между деревьев - там тоже начиналась какая-то деревушка. Или продолжалась эта, чёрт

их тут разберёт...

- А Вы тут чего потеряли-то? - чужой и явно не молодой голос звенел плохо скрываемым любопытством без тени враждебности.

Вздрогнула, будто меня застали на месте преступления...

Тьфу, это же не частная территория, верно?!

Выдохнула, поворачиваясь к небольшому теремку из белого кирпича с рубероидной крышей, окружённому невысокой рабицей, за которой раскинулся довольно шикарный сад плодовых деревьев.

На сером от времени деревянном крыльце стояла бабулька. Вот точно как на советских открытках - цветастый платок на голове, серая юбка ниже колен, резиновые калоши, бежевая кофта на пуговицах... Правда, дутая стёганая жилетка поверх кофты была вполне современная, но тоже весьма заношенная, хоть и чистая...

Ну, была не была.

Сделала неуверенный шаг к выкрашенной в жёлтый цвет калитке, сваренной из десятка металлических прутьев. Попыталась улыбнуться как можно искреннее и честнее - не дай Бог примут ещё за аферистку какую-нибудь...

- Здравствуйте! У меня машина неподалёку застряла...

Бабуля смотрела на меня, чуть склонив голову, вся сухая и тёплая под своим большим козырьком, нависающим над довольно высоким крыльцом. Смотрела долго, целых несколь-

ко секунд, давая мне возможность продолжить...

Набрала в грудь побольше воздуха, ибо из-за шелеста дожда я уже сама практически перестала нормально воспринимать звуки...

- У меня там... бензин закончился! Думала, может кто сольёт хоть литровую бутылку... - я растерянно пожала плечами. - Я заплачу, если что! - перевела дыхание, не зная что ещё добавить, ибо совершенно очевидно, что помочь мне пожилая женщина ничем не сможет - вряд ли у неё имеется в пользовании личный автомобиль или трактор. - Может, посоветуете, кто бы мог продать... - я многозначительно обвела взглядом соседние дома, стоявшие достаточно далеко.

- Да найдём, кто продаст... - бабулька махнула рукой, наконец придя в движение и перестав опираться на перила, сделанные из тонкого стёсаного ствола дерева. - Ну вы хоть зайдите! А то совсем замочились... - она легко толкнула крашеную входную дверь, приглашая меня в дом как само собой разумеющееся. - А я и печку-то не топила ещё, гостей не ждала... - она сокрушённо покачала головой, словно говорила не мне, а просто рассуждала вслух. - Ну сейчас быстренько растопим...

Бабуля направилась вглубь дома, не дожидаясь меня, будто не сомневалась, что я непременно приму гостеприимное приглашение и обязательно последую за ней.

Впрочем, именно так я и поступила. В конце концов, вряд ли тут каждый день застревают случайные путники, и жите-

ли специально стерегут их, чтобы обворовать или, Господи прости, умертвить и съесть...

Где-то вдали пророкотал слабый раскат грома. Вот грозы только не хватало, ага...

- Васька, негодник, что б тебя... - в негоромком голосе хозяйки слышалось натуральное обожание. - Слазь со стола! Гости у нас...

Глубоко вздохнула, замешкавшись на круглом половичке перед входом. Но из приоткрытой двери пахло так... по-домашнему что ли, что я всё-таки пересилила робость и неловко перешагнула порог...

Непривычный запах прямо-таки щекотал нос - чуть прокисшего теста, простокваши, какого-то тягучего варенья, немножко чеснока... Ещё, кажется, яблоч, мятного чая, медового воска, ладана... Нет, я не была уверена в том, что правильно определила ароматы, но ассоциировались они у меня именно с этим.

В желудке заурчало, пока я снимала куртку и скидывала туфли в тесной прихожей. Мокрое всё, неудобно-то как...

- Вот! Тапки надень! - хозяйка, чуть наклонившись, бросила мне под ноги самодельные тапочки, пошитые из коричневой кожи и голубенькой в цветочек ткани, украшенной чуть пожелтевшим хлопковым кружевом. Мы похожие на уроках труда кроили лет тридцать назад...

- Спасибо... - я послушно сунула ноги в тапки, надеясь, что никто не заметил мои мокрые чулки. Посеменила сле-

дом за бабушкой в большую белёную кухню, по пути погладив упитанного серого котяру, совершенно не возражавшего против присутствия посторонних...

В глаза бросилась печка по правой стороне. Не старая русская, как в сказках, а скорее большая плита на пол кухни, по бокам выложенная местами отколовшимися простеньким изразцами. На широкой железной поверхности стройными рядочками стояли какие-то кастрюльки, тазики, чугунки... А напротив печи, почти над окном, располагался настоящий красный угол - красивая резная угловая полочка в несколько ярусов, заставленная иконками. Маленькими, большими, в рамочках и без, на деревянной основе и на картонной, обычными по толщине, как любые картины, и толстыми, похожими на поставленные на ребро коробки. Вот такое точно только в кино увидишь...

- Вот тут садись, - бабуля торопливо выдвинула из-под стола, укрытого до самого пола почти новой клеёнчатой скатертью, грузную дубовую табуретку, пожелтевшую и отполированную до блеска от многочисленных сидений. - Сейчас, погоди, положу чего... - она посеменила к заставленному подушками и какой-то вышивкой сундуку, выбрала тонкую синюю подушечку, аккуратно водрузила её на сиденье. - Вот теперь садись, - она чинно прижала руки к груди, любуясь натюрмортом. - Так-то оно помягче, да потеплее...

- Ага... - я благодарно улыбнулась, тушуясь от такой заботы. - Спасибо ещё раз...

Стараясь не сдвинуть подушку ни на миллиметр и не огорчить этим хозяйку, осторожно села. Стиснула руки на коленях...

- Сейчас чайку горячего налью... - бабулька тут же отвернулась к маленькой двухкомфорочной плите, принялась ставить чайник... - Меня Марией Михайловной кличут по бабушке. Можно просто баб Маша. А тебя как звать? Гости-то у нас тут нечасто бывают... Всё мимо едут...

Я дождалась секундной тишины, не рискуя перебивать щедрую старушку.

- Меня просто Снежана...

Бабулька аж оглянулась. Обвела меня с ног до головы юрким взглядом, кажется усмехнулась даже...

- Редкое имя. У нас таких нету...

Стало отчего-то неловко... Так-то я всегда гордилась своим именем, ещё со школы - я одна была такая среди Свет, Кать, Юль и прочих...

- Да в наше время не очень-то и редкое... - пробормотала просто чтобы не молчать. Или чтобы на всякий случай оправдаться...

- Хорошее имя, - Мария Михайловна уже полоскала забавный расписной заварник. - Как Снегурочка, только лучше.

Аaaa?!

Ну да...

- Ты руки-то там помой, - она кивнула на примитивную

алюминиевую раковину, на которой красовался абсолютно новый блестящий смеситель. - Горячей воды-то нету, не грела я ещё... Не думала, что до вечера понадобится...

Я тут же поднялась с места.

- У Вас бойлер? - тупой вопрос ради поддержания разговора.

- Ага, он самый...

Вымыла руки с кусочком розового мыла, вытерла висевшим на крючке чистым полотенечком, белым с милейшей вышивкой по краям и небольшой протёртой дырочкой по центру...

- Вот! - хозяйка неторопливо поставила на стол большую фарфоровую чашку, от которой поднимался густой пар. - Вместо сахара медок бери. Сейчас печенье достану... И ватрушки вчерашние есть... - она, будто встрепенувшись, поспешила к печке. Сдвинула железную перегородку, достала противень с двумя булками... - Холодные, правда, но с чаем оно хорошо! Бери, девонька, бери... Я пока печку-то растоплю...

Чёрт, когда я последний раз ела? Вчера вечером ковыряла какой-то салат из ближайшего супермаркета, да. А ватрушки я вообще с детства люблю...

- Угу, спасибо... - я жадно сглотнула слюну, "нечаянно" выбирая булочку побольше.

Господи, я за последние полгода столько раз не произно-

сила благодарности. Но тут, кажется, без вариантов...

Вообще, мне нравилось тут, в гостях у этой милейшей бабулечки. Ощущение - будто я столкнулась с чем-то необычным, непознанным, с чем в принципе можно и вовсе не столкнуться ни разу в жизни... Но сейчас во мне проснулось настоящее и какое-то детское непосредственное любопытство - если уж есть возможность узнать что-то новое, то надо прожить эти моменты с распахнутыми глазами и открытыми ушами.

Мария Михайловна несколько минут сидела на низкой скамеечке, с добродушной улыбкой любуясь тем, как я хомячу ватрушку.

- Очень вкусно... - я вежливо улыбнулась с набитым ртом.
- Я тоже печь люблю, но так у меня не получится...

- Кушай-кушай! - баб Маша спохватилась, тяжело поднимаясь с лавки. - Я с печкой тут пока... - она пересела на ещё меньший колченогий стульчик, взяла кочергу, открыла скрипучую печную дверцу, принялась гроыхать железом о железо...

Я отхлебнула глоток горячего мятно-смородинового чая. Ещё раз обвела взглядом помещение - как в каком-нибудь краеведческом музее, ей-Богу. Чисто, уютно, чувствуется

дух времени.

Интересно, как оно - жить вот так? Деревня, воздух свежий, молоко наверное домашнее, творог и масло... Роса на траве поутру, гомон птиц, грядки и цветы... И я в ситцевом сарафане бегу босиком по лужайке, плету венки и пугаю бабочек... А зимой сугробы по пояс, дрова в печке, домашнее малиновое варенье... Чёрт, я бы не смогла. Помечтать об этом здорово и забавно, конечно, но жить... Бррр. Я слишком городская и телом, и душой, чтобы даже фантазировать на эту тему. Невозможно. Да и не нужно...

- Вот, пошла гореть, родимая... - баб Маша отклонилась от печки, и до меня долетел горьковато-смолянистый запах горящих щепок.

Дожевала кусок, прокашлялась.

- Мария Михайловна, а Вы что, одна вот это всё... Ну... Справляетесь? - наверное, мне стало бы неудобно за свои глупые вопросы там, в привычном мире, ибо я же умная и всё знаю по умолчанию. А здесь можно расслабиться, всё равно никто не узнает... - Дрова наколоть, например... Или снег вот зимой...

- Тю, да как одна?! - хозяйка бросила на меня недоумён-

но-насмешливый взгляд, и её лицо на миг помолодело. - Ко мне сын каждые выходные приезжает, у меня соседи все рядом, завсегда помогут, да и много ли мне надо? Чурки вон и колотые привезут, коли надобно. А нет, так любой из местных тебе за поллитра или десяток яичек свеженьких наколет... А то и за доброе слово. Или вон за пироги, - баб Маша улыбнулась и кивнула на ватрушку. - Благодарить всегда надобно... - она снова пошерудила кочергой в печке. - Сейчас... Вот разгорится хорошо, и я Валентине позвоню. Соседке. У ней сын на машине. Бензина даст...

- Ага, хорошо! - я даже приосанилась, вдруг вспомнив о цели своего визита в деревню. Нет, я по факту ни на секунду не забывала о своей Киа, торчащей посреди дороги, но я тоже человек, мне тоже погреться хочется... - Спасибо...

Мария Михайловна прикрыла заслонку. Поднялась, прошествовала в соседнюю комнату, дверь прикрывать не стала. Завозилась...

Я даже заулыбалась от умиления, поглядывая в широкую щель - как бабулька важно надевает очки, садится, открывает толстую тетрадку и, сверяясь с записью, набирает номер... Старый добрый дисковый телефон! Бордовый, на маленьком журнальном столике, покрытом беленькой вязаной салфеточкой. И кресло рядом - явно специальное место для

того, чтобы томными зимними вечерами часами болтать с соседками и обсуждать журнал "ЗОЖ"...

- Валентина, привет! - лицо бабы Маши стало совсем серьёзным, будто она звонила по государственным делам, а не по такой ерунде, как какая-то заблудшая тётка из чужих краёв. - ...Да-да, это я тебе вечером перезвоню... - она сделала какую-то пометочку в своей тетради. - ...Да поняла, поняла... Я тебе чего звоню-то, Валя! Пришли ко мне Павла. Свободен он у тебя? - она помолчала немного, сосредоточенно слушая. - Да гости у меня, помощь требуется... Из города! - Мария Михайловна гордо выпрямилась. - В общем, потом поговорим! Ты мне Пашу только отправь... Ага, давай... - она наконец торжественно положила трубку на рычаг. Сняла очки, аккуратно захлопнула тетрадь, поднялась с кресла... - Сейчас прибежит! - это уже предназначалось мне. - А уж тут вместе решим, что дальше делать...

Я только улыбнулась, допивая чай и окончательно соловоя от тепла уже вовсю потрескивающей печки. Хорошо тут у них всё-таки...

Стук в окно раздался меньше чем через десять минут. Формальная дробь, резкая и короткая, просто предупреждение. Буквально через несколько секунд в крошечной прихожей послышался шум, дверь распахнулась...

- Баб Ма-а-аш! Это я! - на пороге возник молодой парень лет двадцати пяти. Первым делом хмуро исподлобья оглядел меня, лишь потом воззрился на повернувшуюся к нему хозяйку. - Чего случилось? Мамка сказала - помощь требуется... - он снова мрачно покосился на меня. - Говори, чего делать?

- Здравствуй, Пашенька! - Мария Михайловна засеменила к нему навстречу, совершенно не обращая внимания на недовольный вид гостя. - Проходи, садись, - она ласково похлопал парня по спине. - Чайку сейчас налью...

Пашенька ещё раз зло зыркнул на меня. Но тут же отвёл взгляд...

- Здрате... - бросил нехотя, явно с большим одолжением.
- Здравствуйте, - я честно скромно улыбнулась, двигая свой стул поближе к окну, пока парень прошёл мимо стола к... иконам. Перекрестился, быстро поклонился образам...
Прошел к раковине, помыл руки. И лишь после этого сел на указанное Марией Михайловной место.

- Вот познакомься, Паша, это гостя моя, - баб Маша важ-

но кивнула в мою сторону. - Снегурочка городская... - она лукаво улыбнулась, явно уже позабав моё имя. - Бензин у неё закончился, подсобить надобно.

Павлик резко поднял глаза. Сейчас брошенный в мой адрес взгляд стал не просто колючим и недружелюбным, а прямо-таки сочился насмешливым презрением - ну конечно, баба за рулём, что ещё ждать...

- Снежана, - я подала парню руку. - Я впервые в этих местах, не дотянула до заправки. Хотела попросить пару литров, естественно не бесплатно...

Молодой человек с каким-то удивлением покосился на мою кисть. Кажется, рассердился ещё больше, отворачиваясь и почему-то краснея...

- Бывает, - буркнул, прихлёбывая чай из протянутой баб Машей чашки, так и проигнорировав мою ладонь.

Ничуть не смутившись, опустила руку. Ну мало ли что у них тут за порядки? В каждой избушке, как говорится...

Пашка шмыгнул носом.

- Видел я Вашу машину. Из-за неё пришлось в обход деревни ехать... - он снова приложился к кружке, очевидно поборов своё раздражение хотя бы немного. - Там уже не бензин нужен, а трактор... Не проедете.

- Ну Вы же проехали, - я холодно улыбнулась.

Он посмотрел на меня как на душевно больную.

- Я на полноприводной Ниве ехал вообще-то. И то еле вылез...

Поджала губы. Блять, и что теперь?! Помогать мне никто не будет что ли?!

- Паш, ну значит надо что-то сделать, - баб Маша проворно поставила перед парнем вазочку с вареньем, плетёнку с конфетами и печеньем. Ласково погладила его по плечу. - Ты кушай-кушай... Похудел совсем...

- А чего я сделаю?! - Паша сердито вскинулся, но печенье исправно обмакнул в варенье. - Это надо технику, чтоб дёрнуть... Кто это будет делать? - он честно посмотрел в глаза бабуле. - Я не буду, мне нельзя, - он развёл руками. - Так что ничем помочь не могу...

- Ну ты найди кого, Паш! - Мария Михайловна села напротив него, сложила сухонькие ладошки перед собой, кротко глядя на годящегося ей во внуки паренька. - Позови кого из мужиков...

- Да кого я позову? - Павел снова вышел из себя. - Все на работе! Рабочий день так-то ещё не закончился...

- Ну Николая позови, он точно дома сегодня - видела, как он из магазина шёл, - баб Маша важно кивнула, загибая палец. - Ваньку тоже попробуй приобщить к делу - он хоть и в гипсе, но руки у него крепкие и голова рабочая... - она задумчиво загнуллся второй палец. - Ну к Луке сходи, недалече вроде...

Парень аж прыснул невесёлым смехом.

- Так Лука и пойдёт помогать какой-то... - он резко замолчал, бросив на меня быстрый взгляд. - Какой-то незна-

комой... женщине...

- Ну женщинам помогать в любом случае надо, а знакомых у него не водится, - бабуля насмешливо подпёрла щеку ладонью. - Ты ему скажи, Мария Михайловна лично просила! Пусть не берёт грех на душу...

Паша в два глотка допил чай. С сожалением покосился на недоеденное варенье...

- Ладно. Пойду я... Спрошу у мужиков, а там пусть сами решают... - он резко поднялся из-за стола.

- Давай, Пашенька, - баб Маша согласно покивала, убирая за гостем чашку. - На тебя вся надежда...

Тот снова будто мельком поклонился иконам. Заторопился к выходу...

- Хороший парень, - я улыбнулась Марии Михайловне. - Верующий, смотрю...

- Кто? Пашка-то? - та лишь кивнула на выход. - Так конечно! У нас тут много верующих-то...

Некоторое время просидели в тишине. Хозяйка погрузилась в свои мысли, я тихонечко прихлёбывала свой чай...

Наконец не выдержала молчания. Скромно потупила глаза, испытывая вполне реальное чувство вины.

- Мария Михайловна, мне очень неудобно... Столько людей из-за меня беспокоить...

Баб Маша только покряхтела, вставая с места и вновь пересаживаясь к печке.

- Ну если машина ходу мешает, как Паша говорит, то пусть

убирают, - она махнула рукой. - У нас случай был годков десять назад - скорая не доехала, тоже в глине увязла... Так её потоком потом в лес утянуло, метров двадцать аж... Так и бросили - никому дела не было. Уже сгнила почти...

Оу...

Промолчала. Взяла без приглашения печеньку, по примеру Паши аккуратно ложечкой положила сверху варенья, отправила в рот...

- Ты ноги-то поди вымочила все? Ты обувку-то давай сюда, к печке вот поставим, она и высохнет...

- Ой, я и куртку тогда... - я живо поднялась с места. - И это... Я чулки сниму, можно? - глупо хихикнула, слегка краснея, но прекрасно зная, что хозяйка не откажет. - Мне бы тапки...

- Так ты что, вся вымочилась?! - Мария Михайловна аж схватилась за сердце, тоже поднимаясь с табуреточки. - Ну-ка сымай всё! Я сейчас посмотрю чего-нить...

- Не-не-не! Всё не надо! - я почему-то совсем расслабилась. Задрала юбку, принялась скатывать чулки. - Высохну...

- Сымай, говорю! - баб Маша неожиданно грозно посмотрела на меня. - Рубаху дам! Чистую! - она живо засеменила к двери, но уже к другой. - Потому и не согрелась до сих пор... Я-то со слепу не вижу...

От мысли о том, чтобы надеть одежду с чужого плеча, стало противно. И раньше я бы ни за что этого не сделала, да. А сейчас... Сейчас я любую ситуацию подсознательно сравни-

вала с последними месяцами своей жизни - с непрекращающейся душевной болью, с тоской по мужу, с невозможным одиночеством... Разве может что-то быть хуже?! В сравнении с этим какая-то чужая рубаха - просто пустяк, на котором даже не стоит заострять внимание...

Почему-то покосилась в угол с иконами. Вздохнула. Принялась стаскивать через ноги мокрую юбку, потом водолазку...

Входная дверь отворилась на удивление почти бесшумно, напугав меня до остановки сердца.

Но ещё больше меня ужаснул огромный бородатый мужик, внезапно возникший на пороге... А за ним ещё один... И ещё...

Наверное, я бы заорала, если бы не была настолько поражена их внезапным появлением...

Судя по виду вошедших, я их напугала не меньше. А то и больше - угрюмые вытянутые лица, повисшее в воздухе гробовое молчание, кто-то даже осенил себя крестным знаменем...

Впрочем, с учётом того, что они все были по крайней мере одеты, а я стояла посреди кухни в трусах и расстегнутом лифчике, такая реакция неудивительна. Интересно только, как я должна реагировать? Ступор какой-то...

- На-ка вот... - из спальни показалась Мария Михайловна с какой-то тряпкой в руках. Тоже в шоке остановилась, обзревая открывшуюся картину... - Ах вы ж, окаянные! Ну-ка

пошли отсюда! Быстро пошли! - она замахала на них рубашкой. - Ишь ты, вылупились... Стучать-то не учили...

Мужики будто ожили. Как по команде мгновенно отвернулись, толпой вывалились из кухни, едва не устроив давку в дверях...

- От это ж надо... Ни раньше, ни позже... - Мария Михайловна запричитала, запоздало запирая дверь на хлипенький засов. - Прости, Господи, души грешные... - она тоже перекрестилась, выдохнула с каким-то вселенским облегчением. - А ты сюда ходь! - она сердито зыркнула на меня, вновь направляясь к спальне. - До чего ж неразумные девки городские пошли...

Только закусила губу, пряча улыбку, и послушно зашагала следом за хозяйкой, поддерживая ладонями чашки расстегнутого бюстгальтера.

На миг промелькнула мысль о том, что кто-то из мужиков может сейчас подсматривать в окно...

Подавила желание повернуть голову и проверить. Но на всякий случай выпрямила спину, втянула живот, расправила плечи, подняла подбородок... Ну а что? Забавно же...

Почему-то здесь, в этой глухой деревушке, в странном необычном мирке, мне не страдалось так, как в обыденной жизни. Было ощущение, что я нахожусь в каком-то кармане, куда нет доступа ни прошлому, ни бывшему мужу, ни привычным мукам одиночества и самобичеванию по несложившейся семье. Это нечто такое, только моё, личное и недол-

говечное...

С интересом рассматривала спальню хозяйки - простенькие выцветшие обои в цветочек, узкая кровать в углу, аккуратно застеленная тяжёлым покрывалом, сверху несколько подушек, накрытых разномастными вязаными салфетками, высокое зеркало с тумбой, которое во времена моего детства стояло в каждом доме, монолитный потёртый комод, лакированный раздвижной стол перед окном, занавешенным чуть пожелтевшим хлопковым тюлем и вполне современными синими бархатными занавесками, массивное раскладное кресло рядом, по другую сторону громоздкий древний гибридный шкаф... И тоже красный угол, но чуть поменьше, чем в кухне.

Чёрт, да они... Тьфу, в смысле, Господи, да они тут реально походу верующие все. И не просто на словах, а вполне серьёзно...

- Вот тут встань! - баб Маша совсем по-свойски схватила меня под локоть и подвела к пустому углу между входной дверью и боком шкафа. - Теперича раздевайся! Вот я рубаху тут повешу... - она закинула тряпку на приоткрытую дверцу платяного отделения. - Можешь подпоясаться, коли в балахоне ходить не хочешь... - она добавила к рубахе тонкий плетёный из тесьмы кушак, сама снова нырнула куда-то между полками, заваленными вещами. - И кофту сейчас подыщу... Вот! Сама носила в твоём возрасте! Стиранная перед Пасхой, не думай! - несмотря на ворчание, бабушке явно достав-

ляло удовольствие наряжать меня. - И носки вот надень... Как оденешься - выходи! Мужики ждут... А у них своих дел, думаешь, нету?! Так что быстрее давай, не копайся... - Мария Михайловна уже засеменила прочь из спальни. А потом, судя по хлопку двери, и вовсе ушла из дома...

Выдохнула. Сбросила наконец лифчик, покрываясь мурашками по всему телу. Кружева в виде трусов снимать не рискнула, помня лица мужиков... Взяла так называемую рубаху, встряхнула, пытаюсь определить где у данного одеяния зад, а где перед... Впрочем, и рубахой этот балахон можно было назвать с натягом - безразмерная серая фланелевая ночная сорочка. Почти до середины икры, с длинными рукавами и узкой круглой горловиной, прерывающейся аккуратным разрезом с трогательной пуговкой, расположенной, по всей видимости, на спине, и нужной лишь для того, чтобы полезла голова... Моя пролезла и так.

В нос ударил тонкий травяной запах... Сено? Полевые цветы? Мох? Мёд? Чёрт его разберёт, но пахнет приятно, едва уловимо...

Не задумываясь, приоткрыла пошире дверцу шкафа, любясь на себя в небольшое зеркало, расположенное с внутренней стороны. Едва не рассмеялась... Боже, это кошмар.

Перетянула балахон кушаком на талии. Скривилась в фейспалме - ещё хуже, особенно без лифчика. Нафиг...

Накинула на плечи огромную вязанную кофту, немного вытянутую, светло-бежевую с красной вышивкой по ворот-

нику и манжетам. Вот, так гораздо лучше, ибо если нет возможности подчеркнуть достоинства фигуры, то лучше спрятать вообще всё.

Натянула на ноги колючие шерстяные носки, на удивление пришедшиеся мне по размеру. Ещё раз осмотрела себя в зеркале...

Грустно улыбнулась - видел бы меня сейчас Глеб... Наверное, долго шутил бы потом и подначивал по-доброму... Раньше по-доброму. А теперь... Он бы даже не заметил, во что я одета. Ибо ему плевать...

Шмыгнула носом, зажимая пальцами переносицу, чтобы не разреветься. Стянула с волос резинку, назло самой себе растрепала волосы - если я разонравилась собственному мужу, разве я могу понравиться кому-то из местных? Вот и нефиг...

Захватила свой лифчик, вышла в кухню. Повесила его на натянутую над печкой верёвку, где уже висели остальные вещи - водолазка, юбка, куртка... Только чулки баб Маша не стала трогать, просто переложила их комочком на маленькую табуреточку поближе к огню... Развесила их тоже - конечно, я сразу выкину этот порванный капрон по приезду домой, но пока замены нет, и ехать обратно с голыми ногами как-то не хочется.

Наконец тоже шагнула к входной двери. Приоткрыла её, тут же натываясь взглядом на огромные чёрные резиновые сапоги, выставленные баб Машей прямо посреди крошечной

прихожей и явно предназначенные для меня. Едва не расмеялась, поймав себя на привычной мысли "Господи, помоги", на автомате произносимой перед любым важным делом... Сейчас эта фраза вдруг показалась почти уместной, да. Я бы и перекрестилась на всякий случай, но времени как-то нет...

Слегка опешила, открывая дверь на улицу. Чуть не шагнула назад в дом, ибо сейчас мне вдруг стало реально стрёмно и за свой нынешний внешний вид, и за недавний казус...

Во дворе находилось не меньше десятка людей. Как мужчин, так и женщин... Мария Михайловна явно чувствовала себя в этой толпе вполне привычно и спокойно, зная каждого из присутствующих. А вот мне захотелось спрятаться...

- Иди сюда, иди! - баб Маша махнула мне рукой, отделяясь от компании двух кумушек неопределённого возраста, смотревших на меня скорее с интересом, чем враждебно. В отличие от тех же мужиков...

Приветливо улыбнулась дамам на всякий случай, чувствуя на себе чужие взгляды и в свою очередь разглядывая их внешность - длинные юбки ниже колен, испачканные по подолу брызгами мокрой дорожной грязи, какие-то косынки на головах, прячущие волосы, всё равно выбивающиеся из-под головного убора, у одной типичная лёгонькая стёганая фуфайка, у другой большая непромокаемая куртка с закатанными рукавами явно с мужского плеча... Нет, безусловно, в деревнях так и ходят обычно, но всё равно как-то тягостно смотреть на них. Особенно на ту чернявую - она явно не старая, стройная даже, ей бы наряд посимпатичнее, макияж хоть какой-нибудь, рассмешить ещё, чтоб расхохоталась

и перестала понуро горбить плечи - и настоящая Алёнушка из сказки "Морозко" получится...

- Здравствуйте... - поздоровалась первая, ибо женщины молчали будто воды в рот набрали.

- Добрый день, - обе ответили почти синхронно, тут же потупились в землю...

Ой всё, с ними подружиться явно не получится. Впрочем, как и с насупившейся мадам, стоявшей у калитки, уперевшей руки в бока и провожающей меня неприветливым взглядом исподлобья...

Бабы везде одинаковые, да.

Быстро покосилась на мужиков...

Если сначала те трое показались мне на одно лицо - высокие, бородатые, широкоплечие, то сейчас я мельком разглядела каждого из них. Один совсем зарос чёрной курчавой растительностью как на лице, так и на голове, только глаза видно. Руки как лопаты, однотонная спортивная куртка на груди явно не сходится... Нога в гипсе - замотана пакетами... Второй рыжий. Не огненный, но медный, конопатый весь, с довольно ухоженной бородкой и почти молодёжной причёской, чем-то напоминающей усовершенствованный "под горшок", только с бритым затылком. Глаза вроде масляные, но недобрые что ли... Третий стоял спиной. Массивной такой спиной, загораживающей вид на половину двора. Куртка рабочая, тонкая, мокрая насквозь. Того и гляди треснет по швам на могучих плечах... Стрижка вроде обычная - ба-

нальный короткий ёжик. На ногах - заношенные армейские ботинки, грязные до самых щиколоток, очевидно используемые в качестве галош...

Аж вздрогнула, когда этот третий резко повернулся, как-то сходу полосуя по мне мрачным горящим взглядом. Отчего-то невольно устыдилась не столько собственного внешне-го вида или произошедшей недавно пикантной случайности, а вообще своего присутствия в этой деревне... Да что там присутствия! Проще сказать вообще своего существования как такового. Ибо я одна виновата во всех грехах и скорбях человеческих...

- Ты поподробнее-то Расскажи, где машинку-то побросала? - баб Маша схватила меня за руку, выставляя перед этими местными богатырями. - В миг достанут! И бензина дадут...

- Да ты, Мария Михайловна, не наговаривай! - заросший мужик бодро сделал шаг вперёд, тяжело опираясь на примитивный деревянный костыль. - В миг достанем... - пробурчал, имитируя мягкий голос бабы Маши. Тут же закатил глаза к небу... - Может, и не достанем, если совсем там худо дело обстоит. Так что раньше времени-то не суетись... Разберемся...

Машинально отступила на шаг назад, остро чувствуя себя сейчас чужой среди всех этих людей, вроде и готовых мне помочь, но вместе с тем слишком чуждых, навязчивых, странных. В какой-то миг едва не заплакала от собственного бес-

сия, ощущая острую потребность в уединении...

Быстро взяла себя в руки.

Залопотала что-то о дороге, о доме, который просматривался с пригорка, о раздвоенной сосне неподалёку, которую почему-то запомнила...

- Да я знаю где! - к нам суетливо подскочил Павлик. - Я там хотел проехать... Я сам покажу! Дядь Лука, хватит время терять! Надо трактор выгонять... - он демонстративно сделал вид, что меня здесь нет. - А эта... пусть тут сидит. Ещё не хватало...

Испытала даже облегчение от его вроде необходимых, но каких-то грубоватых слов. Сжалась в комок, мечтая стать совсем маленькой и бесполезной, когда мужчины согласно переглянулись...

- Пусть сидит, - согласно кивнул третий мужик, с презрением отворачиваясь от меня. Если мне не изменяет память, запёрся без стука он как раз первым... - Я сразу сказал - сами справимся...

Сами, да! У меня там, вроде ничего ценного нет...

- Я сейчас ключи принесу... - я тихо выдохнула, всем видом изображая вежливое покорное согласие с мнением большинства.

Едва ли не бегом бросилась обратно в дом...

Вынесла брелок. Внимательно оглядела ожидавших меня мужчин... Отдала ключ тому, что в гипсе - он казался наиболее дружелюбным. Рыжий мне просто не нравился. А третий

и вовсе вызывал стойкое неприятие из-за этого обвинительного и пристального взгляда...

Они ушли сразу. Грузно и тяжело ступая по мокрой земле, не прощаясь ни с кем и больше не интересуясь мною. Тот, что с костылём, шёл первым - неторопливо, ровно, спокойно. Сам открыл калитку, не ожидая ничьей помощи. Впрочем, никто и не торопился помогать - зачем, если человек сам может справиться? В их ситуации это выглядело даже каким-то уважением что ли...

Рыжий то и дело оглядывался. Вроде как на всех, но я ощущала его взгляд на себе... Мужской взгляд. Заинтересованный, оценивающий, не таящийся. Но вместе с тем колючий и какой-то наглый... Ни разу не подняла голову в его сторону - неприятно почему-то.

Третий... Просто ушёл. Ни разу не оглянувшись, не сбавив степенный шаг, лишь на пару секунд притормозив у калитки и терпеливо пропуская товарища вперёд. Уже на дороге обогнал его, свернул в другую сторону, что-то крикнув двоим оставшимся... Совсем пропал из виду...

- Чего забыла-то тут?

Я даже не заметила, как ко мне подошла дородная тётка, до этого стоявшая у ворот. Руки с боков она до сих пор не убрала, смотрела всё так же недружелюбно.

Вскинула голову. Смерила женщину примерно таким же ответным взглядом, равнодушно пожала плечами.

- Ничего. Застряла, сказала же.

- Ну-ну, - тётка насмешливо фыркнула. - Ещё скажи "сам Бог привёл"...

Пффффф.

- Может и привёл, - я тоже усмехнулась.

- Тьфу! - женщина демонстративно плюнула в мою сторону. - Понаедут... - она отвернулась. Пошла прочь со двора...

- Марфа это, - баб Маша потянула меня за рукав. - Она не злая, не думай... Мужика у неё городская увела лет пять поди назад. Да как увела, так и сгинул он... Дети сиротами остались... - Мария Михайловна тяжело вздохнула. - Сейчас-то она вон к Вовке, электрику нашенскому, всё бегает... Думает, замуж позовёт...

- Не позовёт? - осторожно спросила ради поддержания разговора.

- Да куда он позовёт?!. - баб Маша в сердцах махнула рукой. - Он если и женится, то только на бутылке своей. Дом-то - стыдоба одна! Крыша обвалилась, пол прогнил! Как туда детей вести? Старшенькой восемь, малому пять давеча было...

Растерялась почему-то.

- Так может это... Женится и как раз за ум возьмётся... - я уже другим взглядом посмотрела вслед Марфе. - А жить-то и у неё можно...

- Ой... - Мария Михайловна махнула на меня рукой как на неразумного ребёнка. - Неможно. Пусть сначала ремонт сделает, потом уж отец Ануфрий подумает, венчать их или

нет... - она вдруг дернулась, будто что-то вспомнила... - Ох ты ж... Ты сходи печку закрой, а?! Перегорят дрова-то совсем... Чегой-то я заболталась тут...

Печку?!

- Ааааа... - спесь слетела мгновенно. - А я не умею... - я виновато развела руками.

- Да что ж ты будешь делать... - баб Маша зашоркала к крыльцу. - И ты в дом иди! Нечего тут делать уже... Ничем не поможешь...

Поджала губы, напоминая себе о том, что к чужим традициям надо относиться с уважением. Да. С уважением... С уважением, блять! ЫЫЫЫЫЫ...

Нет, они все тут, конечно, очень милые и... своеобразные, вопросов нет. Но я уже домой хочу...

Понуро потопала за хозяйкой, краем глаза замечая, что, едва Мария Михайловна ступила на крыльцо с явным намерением войти в дом, как все собравшиеся тоже внезапно заторопились со двора на улицу. Кто-то прощался, кто-то просто уходил... Тоже "неможно" торчать в чужом дворе без особой необходимости, когда хозяйки нет? Вот это хорошая традиция, прям уважаю...

Выдохнула, с каким-то мысленным сарказмом прося у Бога терпения. Поплелась в дом...

Скинула на веранде сапоги. Аккуратно поставила их в уголок, косясь на остальную обувь Марии Михайловны, составленную по линеечке. Вот есть же осмотрительные и ор-

ганизованные люди на свете... Не то что я. Но, как говорится, какой Господь сделал...

Едва не расхохоталась над собственными выводами. Надела обратно тапочки, зашла в жарко натопленную кухню...

Баба Маша уже всю суетилась у печки. Подкладывала дрова, зачем-то хваталась за кастрюли, полезла в буфет за мукой...

- Давай, Снегурка, помогай! Мужики-то сейчас с машиной намучаются, голодные будут... Надо хоть чего-то на стол накрыть!

Слегка опешила. Какой стол?! Я бы лучше банально денег дала...

- Мария Михайловна... - я прокашлялась, стоя в нерешительности на пороге. - Так может, заплатить им просто? У меня деньги есть...

Баб Маша только закатила глаза, проворно высыпая из увестстого мешка сразу пару килограммов муки в огромное сито, установленное в большом пластиковом тазу.

- Просеять надо, иди давай! - она безапелляционно кивнула на таз. - Заплатит она... Не принято у нас так, поняла? Платить - пусть мужики платят! А ты вот сюды вставай и муку сей! Как следует сей!

Улыбнулась, глядя на её покрасневшее от жара печи лицо. Господи, как же домой-то хочется...

- Покурю во двор схожу, - я вытряхнула из сумочки пачку и зажигалку. - Приду - сразу начну!

- Ох ты ж Господи! - баб Маша аж руками всплеснула. - Она ещё и смолит как мужик! Тьфу! Быстро давай, пять минут и обратно! Вдвоём мы с тобой скоренько управимся... - она уже отвернулась к кастрюле, парившей закипающей водой. - Ты хоть за дом сверни, с глаз людских уйди! Покурить ей надо, ишь ты... - её добродушное ворчание слышалось даже в прихожей, пока я снова натягивала сапоги...

Вышла на крыльцо. Народ уже разошёлся, и теперь деревня снова казалась пустынной, если не считать нескольких мокрых куриц, гуляющих за дальним соседским забором...

Помня о просьбе бабы Маши, спустилась со ступенек, обогнула дом и немного прошла вдоль стены по старой бетонной дорожке. Остановилась, прикурила сигарету, обозревая владения Марии Михайловны...

Цветы. Много и разных. И низенькие, стелющиеся по земле смешных самодельных клумб из подручных материалов, и высокие пионы, бережно подвязанные ленточкой... Кусты. Кустища... Смородина, крыжовник, что-то ещё... Заросли малины, тоже красиво огороженные какими-то плетеными заборчиками... Яблони, вишни, больше всего слив... Теплица. Настоящая, высокая, в полтора человеческих роста, стеклянная, на деревянном каркасе, крашеном в милый жёлтый цвет. Уже даже зеленеет там внутри что-то... Грядки вдоль сараев. Не то чтобы полноценный огород, но вот тот пустующий квадрат явно под картошку. Остальное уже засажено. Всё такое милое, уютное, хаотично-аккуратное...

Листья на деревьях вовсю переливались дождём. Мокрый чернозём пропитался влагой, кое-где на дорожках стояли лужи. А там, за забором, качались от ветерка высокие шумные берёзы, ещё дальше темнели ели...

Кругом стоял такой птичий гомон, что можно было оглохнуть. А ещё говорят, что в деревне тихо...

Выпустила струю дыма, разглядывая крышу одного из низеньких строений - там примостились два кота. Один огромный, серый в полоску, взирающий на всё вокруг равнодушно-презрительным взглядом, в том числе на меня. Второй - почти такого же цвета, но гораздо меньше и явно не такой охреневший, ибо он поглядывал в мою сторону с опаской.

Отвернулась от них, дабы не спугнуть. Замерла, увидев крупную разноцветную бабочку, пропорхавшую прямо перед моим носом...

Невольно улыбнулась. Господи, хорошо же...

Почему мы с Глебом не купили домик в такой вот деревне?! Конечно, ни он, ни я нихрена не умеем делать на своём участке, но ведь всегда можно научиться... Возможно, это могло бы помочь спасти наш брак - мы всегда были бы чем-то заняты, помогали бы друг другу, сажали дурацкую картошку и огурцы, я бы ходила в красивом купальнике, загорелая и стройная, он бы колол дрова по торс голый, и я бы постоянно пошло шутила на эту тему...

Вздыхнула, делая глубокую затяжку. Нихрена бы у нас не

вышло. Я давно не чувствую себя стройной и красивой, я не представляю жизни без городской суеты и магазинов. Глеб и вовсе вечно психует по каждому пустяку, и виды природы не смогли бы успокоить расшатанные нервы. Да и голый торс его сильно отличается от того рельефа, что был ещё лет десять назад... Я бы скорее не любовалась, гордясь мужем перед соседками, а стыдливо отводила глаза, постоянно заставляя его надеть футболку. На что он бы обязательно огрызнулся и бросал начатое дело на половине, чтобы уже никогда к нему не вернуться...

Другое дело - местные мужики. Не все, конечно, но есть очень даже ничего. Сразу видно - всю жизнь в деревне прожили, привыкли работать руками. Такие, наверное, не станут срывать злость на жене по каждому поводу... Но и ласки от них небось хрен дождёшься. И поскандалить с таким вряд ли получится... Короче, со стороны посмотреть хорошо, как на плакат харизматичного актёра, но жить с таким - точно нет. Бррррр...

Прямо над головой стукнула оконная рама...

- Ну ты там не накурилась ещё, Снегурочка? - баб Маша нетерпеливо вздохнула. - Туши уже, в дом иди! Закваска поднялась, а муки ты так и не насеяла...

Захотелось выматериться. Но я сдержалась. Затушила окурок о серый фундамент дома, оглянулась в поисках того, куда бы выкинуть несчастный хабарик... Тьфу! Тут и покурить спокойно нельзя - красота ж кругом, фиг намусоришь!

Прикопала окурок под шатающийся кирпичик клумбы - в земле быстрее сгниёт.

Заторопилась в дом.

Ничего, ещё немного, и я утоплю педаль пол, буду ехать всю ночь и к утру вернусь наконец в город. Уже нетерпится...

Время летело просто невозможно быстро. И это было почему-то обидно - будто вся жизнь проходит мимо. Ни тебе новости в ленте полистать, ни порыдовать, глядя в окно и непрерывно набирая номер бывшего мужа, ни настрочить ему же пару десятков слезливых сообщений, ни покурить толком, ни позвонить и пожалиться кому-то из подруг...

Да как, блять, так вообще можно жить?!

Я за целый день так не уставала никогда, как за эти три часа у жаркой плиты, бегая от одного угла кухни к другому... Есть же доставка, в конце концов! Каменный век какой-то...

Нет, когда-то я тоже любила готовить, делала это с удовольствием, стараясь порадовать мужа новыми рецептами. Но то были необычные блюда итальянской или мексиканской кухни, какие-то заковыристые варианты меню обязательно в изысканной изящной подаче... Но никак не тонна пирогов с разными начинками, начиная от замороженного индюшачьего фарша и заканчивая прошлогодним малиновым вареньем, томленая тыквенная каша, казан тушёной капусты, чёрный хлеб (это оказалось действительно необычно и интересно, нужно будет повторить как-нибудь... потом), огромный таз салата из вареной свеклы с чесноком, солью, зеленью и нерафинированным маслом...

- А ты молодец, лепить умеешь, - баб Маша, упревшая и

уже явно уставшая, одобрительно косилась на то, как я уверенно заворачиваю очередной пирожок в форме красивого треугольничка, на автомате делаю надрез и выворачиваю тесто в форме лепестков клевера в качестве украшения. Сама она закручивала пирожки споро, намного шустрее меня - на один мой успевала три завернуть, но простенькие, обычные. - Хоть руки из нужного места растут, и то хорошо...

Большой пирог с вареньем она тоже доверила мне. И из какого-то желания доказать своё умение, я действительно старалась, украшая его не простой решёткой, а витыми веточками, листиками и цветочками. Ну просто потому что... потому что покрасоваться хотелось, да. Не столько перед бабой Машей, сколько перед этими... гостями...

Сами гости явились скопом. Слава Богу, на этот раз громко и показательно простучали, прежде чем войти молчаливой толпой в кухню, хотя их приход было слышно ещё со двора. Пять человек - Пашка, три богатыря и какой-то невысокий мужичок, когда-то тоже явно пребывавший в нормальной физической форме, но сейчас сильно осунувшийся и слегка обрюзгший, зато живенький и бодрый, в отличие от товарищей.

- Всё, Мария Михайловна! Справились! - мужичок первым подал голос, глядя не на хозяйку, а на меня. - Оттащили в гараж - завтра уже глушитель на место поставим, сегодня поздно... - он выразительно покосился на заставленный угощениями стол, явно ожидая приглашения. - А ты, Мария

Михайловна... родственнице-то своей нас представь...

Как завтра?! Какой глушитель? Господи, помоги...

Кто-то в толпе высокомерно фыркнул, походу Пашка. Вот мукак-то растёт, а...

- Та какая родственница? - баб Маша отмахнулась. - Гостя это! Снегурка...

Скромно улыбнулась, расправляя плечи и кокетливо утирая вспотевший лоб тыльной стороной ладони - пусть видят, какие городские женщины бывают. Красивые, ухоженные, холёные. По крайней мере, я считала себя таковой буквально несколько лет назад, пока отношения с Глебом ещё хоть как-то держались на плаву...

- Снежана меня зовут, - я подняла подбородок, произнося своё имя с нажимом, так, чтобы все запомнили. Ибо ладно баб Маша - ей можно в силу возраста и проявленного гостеприимства, но остальные пусть выучат наконец!

- Уууууу... - мужичок сощурился, без стеснения разглядывая меня со всех сторон. - Вот оно как... То-то бабы наши переполох устроили...

- Ты бабам-то рты позакрывай, - Мария Михайловна грозно нахмурилась. - И нашенским, и остальным. Неча тут языки распускать! - она упёрла руки в бока, и мужичок торопливо кивнул. - Председатель, твою мать... Тьфу одним словом... - она повернулась ко мне. - А ты чего встала как на смотрилах? Тарелки неси! Полотенце гостям подай...

Чего?!

- К-какое полотенце? - я растерянно подняла брови.

- Ой, иди уже! Там, в комнате в серванте тарелки возьми, с окантовочкой такие... Тут сама справлюсь! - баб Маша обречённо махнула на меня рукой. Тут же повернулась к мужчинам. - Проходите-проходите! Лука, может, по стопочке, м? Наливочки моей?

Не знаю, зачем оглянулась уже на пороге комнаты. Наверное, просто чтобы знать, кого из них зовут Лука...

Как-то сразу поняла, к кому она обращалась, ибо мужик в этот момент тоже вскинул взгляд на меня... Недобро посмотрел, с осуждением. Неторопливо оглядел с головы до ног, встретился со мной глазами... Отвернулся.

- Нет, - ответил просто, но так, что уговаривать желания явно ни у кого не возникло.

Я тоже опустила голову. Прошла в комнату...

- Ну нет, так нет, - баба Маша тут же согласилась, гремя ложками. - На нет и дела нет. Проходите, ну! Паша, сюда сядешь. Ты, Вить, к окну пойдёшь. Ванюш, ты со своей ногой давай на стул...

Я слушала всю эту суету, осторожно сдвигая стекло в серванте и выуживая оттуда по одной тарелке с каёмочкой.

Лука... Взгляд такой, будто я не свою, а его машину в глину посадила. Чем я ему, спрашивается, не нравлюсь?! Конечно, можно было бы подумать, что они тут все с прибабахом и просто не любят женщин, но вон рыжий, Николай, кажется, смотрит вполне дружелюбно и заинтересовано... Да и

этот, Ваня со сломанной ногой, тоже враждебности явно не проявляет. С Пашкой вообще всё на возраст спихнуть можно... А с этим что не так?! Тоже мне...

Вернулась в кухню. Водрузила стопку тарелок на стол, отошла на пару шагов...

- Так разложи тарелки-то... - баб Маша в качестве примера взяла одну и поставила её перед Иваном. - Ой, бестолковые девки нынче пошли... Дома-то мужу поди со всем уважением... А как чужие мужики, так сразу можно и сфилонить...

Я могла бы промолчать. Но что-то такое, горячечно-мстительное в отношении Глеба вспыхнуло яркой жаркой искрой в душе...

- Нет у меня мужа, - прошипела сквозь зубы, послушно расставляя дурацкие тарелки каждому из гостей. - В разводе я.

Почему-то наступила тишина.

- Тююю... - баб Маша неожиданно перехватила моё запястье. - Ладная девка-то вроде... Эх... - она зачем-то повела меня к двери в комнату. - Иди тогда... отдохни. Мы тут сами...

В смысле отдохни?! А машина?

- А что с машиной-то? - я оглянулась на председателя, тормозя и аккуратно вытаскивая свою руку из цепких баб Машиных пальцев. - Что там с глушителем? Я уехать сейчас хотела...

- А машина, деточка, до завтра не поедет, - Витя виновато

развёл руками. - Завтра поедешь.

Да что за...

- Иди давай! - Мария Михайловна будто рассердилась на мою медлительность, подталкивая в плечо. - Там посиди!

- Да не хочу я! - я тоже распахивалась, кусая губы. - Покурить лучше схожу...

Хозяйка с тяжёлым вздохом отпустила меня. Бурча что-то под нос, вернулась к столу, принялась нарезать пироги...

Поймала уже более радушный и прямой взгляд рыжего. Демонстративно отвернулась, доставая из сумки сигареты. Уверенно прошагала к выходу. Хлопнула дверью, выходя из дома в вечернюю прохладу двора...

Да они все тут чокнутые! А я... я домой хочууу...

На улице пахло сыростью и лесом. И ещё костром. И чем-то медово-сладким, будто из детства...

Всхлипнула, утирая сорвавшуюся с ресниц слезу. Чиркнула зажигалкой, прикуривая сигарету...

Чёрт, я устала! Я за неделю не общаюсь с людьми столько, сколько за один сегодняшний день! И физически я просто замоталась, у меня ноги гудят так, что завтра будут ныть все мышцы! Меня достала и эта деревня, и эти мужики, и вся эта идиотская ситуация! Это уже перебор...

Вытерла ещё одну слезу. И ещё...

Завтра! Да как завтра?! Мне сегодня надо!

Накрыло знакомой злорадной мыслью, до сих пор режущей по живому - а надо ли, если дома никто не ждёт?.. Если

бы Глеб был со мной, я бы сорвалась отсюда ещё несколько часов назад. На такси, на автобусе, пешком блять даже! А так...

Меня тянет в город исключительно привычка, да. До боли хочется, чтобы всё в данный момент было так, как я привыкла - нудный плаксивый вечер, бутылка алкоголя, сигареты, какая-нибудь вредная еда из супермаркета, душераздирающая музыка в колонке, телефон, слёзы, сопли, попытки поговорить с бывшим мужем, крохотная неистребимая надежда на то, что однажды всё станет как раньше...

От мыслей о Глебе защемило под рёбрами - если бы он знал, что я застряла так далеко от родного дома, он бы наверняка переживал за меня... Переживал бы, правда же?

Хлюпнула носом, доставая мобильник из широкого кармана своего одеяния. Дрожащей рукой смахнула блокировку, едва не разревелась, глядя на номер бывшего мужа...

Решительно нажала кнопку вызова. Замерла, почти не дыша и слушая знакомые гудки...

Да мать вашу! Ну что же ты, Глеб...

Всхлипнула, торопливо добывая сигарету и прикуривая ещё одну. Открыла мессенджер...

Глеб, привет! Представляешь, я застряла в какой-то деревне чёрт знает где! Останусь тут ночевать похоже

Поджала губы, ладонью вытирая ставшее совсем мокрым лицо. Сделала пару затяжек...

Убрала часть теста. Исправила, дописала.

Перечитала ещё раз...

Привет. Я застряла в какой-то деревне посреди леса, ехала по пригородной трассе. Придётся тут ночевать. Не террай меня в случае чего

Да блять! Зачем я про трассу?! Чтоб он знал направление поиска, если вдруг решит броситься на помощь?! Он не решит. И раньше бы не решил, а теперь и подавно...

Снова стёрла. Хотела переписать...

Удалила всё.

Разревелась, тихо всхлипывая...

- Мммм, слёзы? - сальный насмешливый мужской голос, раздавшийся от угла дома, по всей видимости должен был выразить заботу. - Что вдруг случилось у такой очаровательной женщины?

Рыжий. Николай.

Терпеть не могу такие наигранные подкаты.

- Ничего. Домой надо.

Мужчина приблизился не спеша, будто не очень-то и хотел.

- А что дома? Ждёт кто-то? Такая красивая девушка точно не может быть одна, даже если в разводе... - в его тоне мне почему-то послышалось что-то оскорбительно-высокомерное, режущее слух.

Послать сходу? Или всё-таки побыть вежливой дурочкой, пока машину не вернули...

- Дома хорошо, - я натянуто улыбнулась. - Просто хорошо.

Загостилась я и так...

- Ммм... А у нас-то чем плохо? - Николай немного помолчал, тоже прикуривая сигарету. - Воздух свежий, птицы поют, природа... Неужели не нравится? - он подступил ещё ближе, почти вплотную.

Где-то на задворках сознания промелькнула дурацкая мысль о том, чтобы вот прямо здесь и сейчас переспать с этим незнакомым мужиком... Не ради удовольствия или в угоду желанию. Просто для того, чтобы показать самой себе, что я могу. Чтобы хоть так отомстить бывшему мужу...

Сглотнула слюну, на миг представив, как чужие руки прикасаются ко мне. Как ладони торопливо задирают балахон, как чисто мужской запах доносится не со стороны, а обволакивает всё тело, как член проникает внутрь...

Заманчиво, но я ещё не дошла до такой степени отчаяния, да. Тем более здесь, во владениях Марии Михайловны, где на каждом углу висят иконы...

- Нравится. Но дома всегда лучше, - я сделала шаг назад и в сторону, не поднимая голову и не глядя мужчине в лицо.

Не симпатичен он мне просто. От слова совсем. Не возбуждает. Но с другой стороны, тут и лица-то его не разглядеть...

- Ну дома да... Лучше. Но раз уж приехала, то, может, хочешь погулять? Туда не пойдём конечно, - Николай почему-то насмешливо кивнул на небольшой лесок, за которым ещё при свете дня виднелись очертания продолжения дере-

вушки. - Но можем сходить в клуб... Там даже ресторан есть! Не как у вас... в городе вашем, но хоть что-то, - в его словах просквозила какая-то горечь. Впрочем, мне могло померещиться. - Чего вечеру пропадать? Такая... милая и красивая девушка... наверняка привыкла... хорошо проводить время... - он наступал медленно, почти сливаясь с окружающей темнотой. Не страшно, но волнительно...

Наверное, если бы он продолжил в том же духе, я бы не отказала. Да потому что пошло оно всё... Когда ещё мне кто-то сам будет намекать на секс без обязательств?! Тем более, я этого человека больше никогда не увижу...

Даже пожалела, когда за углом хлопнула входная дверь. Послышались шаги - кто-то из мужиков тоже вышел на воздух...

- Тихо... - Николай приложил палец к губам.

И я зачем-то действительно притаилась...

Вздрогнула, когда тихий низкий голос разрезал плотную сырую тишину:

- Накурились? В дом.

Николай отшатнулся. Прошипел сквозь зубы, но так, чтобы я слышала:

- Вот гнида...

Чувствовала его недовольство, заражаясь таким же глухим раздражением. Что, не видно, что пара занята своими делами? Обязательно надо помешать?! О личном пространстве и элементарной толерантности и вежливости здесь во-

обще не слышали?!

- Ну чего ты выперся, Лука? - Николай в сердцах отвернулся от меня, делая глубокую затяжку. - Ты ж вроде у нас курить бросил?

- Как бросил, так и начал, - приблизившийся мужик тоже чиркнул зажигалкой, огонёк которой на миг осветил его суровое бородатое лицо... - Колян, иди, а... От греха...

- Да сам от греха иди! - Николай неожиданно разозлился, отшвыривая от себя сигарету прямо в баб Машины цветы. - Не лезь ты уже, понял?! Если она не против, то почему нет? - внезапно разговор перескочил на меня, и это стало жутко неприятно... - Не все, блять, такие святые, как ты! Иди в церкви своей проповеди читай...

Тонко охнула, распахивая глаза и цепenea от нахлынувшего панического страха, когда Лука каким-то лёгким молниеносным движением схватил товарища за грудки и притянул к себе...

- В дом пошёл, - он говорил почти спокойно, но мне в его словах слышалась слишком очевидная предупреждающая угроза. - Марию Михайловну уважь для начала. А с бабой потом разберёшься, - он повернул голову в мою сторону, но в темноте я не могла видеть выражение его лица. - Раз уж она согласна... - сказал как плюнул...

Не сомневалась в том, что по силе эти двое не уступают друг другу. Но что-то было в голосе Луки такое, что застав-

ляло по умолчанию признавать силу за ним. И эта сила реально пугала...

Николай, шумно дыша, наконец кивнул. Выматерился сквозь зубы, когда Лука чуть толкнул его в грудь, выпуская одежду... Направился вдоль стены прочь отсюда, оставляя нас вдвоём...

Выдохнула, почему-то дрожа всем телом. Сама попятилась от оставшегося мужчины, чувствуя себя конкретно не в своей тарелке, ибо сейчас мощная мужская энергетика была наотмашь, и от неё подсознательно хотелось избавиться, отмыться, заблокироваться, очиститься...

- Я, вообще-то, была против, - зачем-то пискнула в своё оправдание, приседая на корточки и наощупь закапывая окурок под кирпич к уже погребенному десятку таких же хабариков.

Почему-то думала, что он не ответит, просто проигнорирует моё присутствие как таковое...

- Значит, мне показалось. Как и ему. Что ты не против.

Лука насмешливо-брезгливо сплюнул в тот же несчастный куст пионов, куда Николай зашвырнул окурок, заставляя меня искренне посочувствовать бабе Маше. За три коротких вдоха затянулся дымом...

Вспыхнула, почувствовав себя реальной грешницей. Причём ни разу не каявшейся.

- Значит - да, показалось, - я выпрямилась, демонстративно глядя на стоявшего в трёх метрах от меня мужика. - Когда

кажется - креститься надо, - не смогла не съязвить, проходя мимо него в дом...

На этот раз он действительно промолчал, но не обиделся. Скорее мысленно опустил меня ещё на пару ступеней ниже, хотя до этого момента я была уверена, что это и так дно, и глубже уже некуда...

Гости просидели за столом недолго. Разошлись буквально через час, молчаливой толпой покидая кухню. Наконец-то, мать их...

Вышла из комнаты, где честно проскучала последние сорок минут, бесцельно копаясь в телефоне. Отчего-то поморщилась, вдыхая остаточный мужской запах, витающий в перетопленном помещении - пота, соли, машинного масла, опилок и ещё хрен пойми чего... Непривычно, да.

С некоторым удивлением покосилась на тарелки и блюда - да они реально практически всё опустошили! То есть приходили поесть, как баб Маша и говорила, а не праздно провести время...

- Давайте я помогу... - я со вздохом кинулась к Марии Михайловне, заметно упарившейся и выдохшейся за день, но уже собирающей пустые тарелки со стола. - Куда их?..

- А в раковину неси... - та лишь рукой махнула, счастливо улыбаясь и присаживаясь на свою любимую табуреточку. - Нет, ну хорошо же посидели, да?! - она мечтательно закатила глаза. - То в гости никого не дозовёшься, а то вона как...

Покачала головой - мне не понять этих житейских деревенских радостей, когда визитёры молча (ну не молча, конечно, но за какими-то скучными разговорами) сожрали столько еды и свалили восвояси, и это всем за счастье. Принялась

стаскивать посуду в кучу, ощущая, как желудок периодически сводит спазмом - нет, я не брезгливая, но я как-то не привыкла убирать за абсолютно чужими людьми...

Включила кран - воду за вечер мы использовали всю, но баба Маша категорически не разрешала прибавить температуру в бойлере, ибо сын запретил - вдруг напряжение случится, и половина деревни без света останется, или пожар не дай Бог от замыкания проводов, или квитанция за электричество придёт такая, что пенсии не хватит...

ТЬфу.

Помыться, видимо, тоже не удастся...

- Ты окно открой! Душно... - Мария Михайловна подпёрла щеку морщинистой сухонькой ладошкой. - Хорошо как, да?..

Исподлобья посмотрела на замечтавшуюся старушку, дёргая на себя крашеную в десяток слоёв деревянную раму. Задержалась у толстого, сделанного из бруса подоконника, ощутив на разгорячённом лице порыв прохладного ночного ветерка... Глубоко вдохнула наполненный ароматами трав воздух, необычный и свежий, моментально ударяющий в голову хмельным мёдом...

Оглянулась на хозяйку.

- Баб Маш, а... почему столько икон? - я закатала рукава своего балахона, мужественно сдерживая рвотные позывы и мысленно готовясь перемыть эту гору тарелок, салатников, кастрюль и столовых приборов. - Нет, Вы не подумайте... Я тоже верующая, правда! Но у вас тут...

- Тююю... - Мария Михайловна скептически оглядела меня с ног до головы. - Та разве ж это много?! Был бы Родион жив, тут бы ступить некуда было, - она махнула рукой. - Муж-то мой покойный...

Я и так поняла, что она про него - видела в комнате висящие на стенах старые фотографии. И на всех люди запечатлены либо под образами, либо с иконками в руках, да. Стало неловко - зря, я наверное, об этом спросила...

- Простите... - сдержанно пробормотала, соображая, надо ли выражать соболезнования, или в данной ситуации это будет не слишком уместно.

- Та за что? - баб Маша усмехнулась, тяжело поднимаясь на ноги. - Он-то у меня одним из них был... - она кивнула куда-то в пространство. - Из общины, я имею ввиду. Ну и мне пришлось...

С удивлением покосилась на Марию Михайловну, оттирая блюдце и тихо радуясь тому, что хотя бы средство для мытья посуды у хозяйки приличное и дорогое - наверняка тоже сын покупает...

- А... что за община? - осторожно спросила, сдувая со лба прядку прилипших волос.

- Так наша, местная, - баба Маша пожала плечами, как само собой разумеющееся. Взяла тряпочку с раковины, принялась вытирать стол. - Тут все про нас знают... Не слыхала что ли?

- Неа... - стало не по себе...

- Нуууу... Ты это, поищи потом в интернете своё. Мы тут с шестнадцатого веку стоим, - она гордо распрямила плечи. - Раньше-то большое поселение было, лет сто назад... Я ещё помню, как в детстве бегала к ним в село, всё глазела, как тамошние ребятишки грамоту учат... Нас-то тут не учили, а у них обучали и чтению, и письму...

Затаилась, слушая рассказ. Обычно я не люблю все эти экскурсии в прошлое, но сейчас почему-то было интересно...

- Так где она есть? Община-то ваша? - я задала вопрос, который вертелся на языке. - Прямо здесь?

- Вон, за лесом, - баб Маша снова кивнула в пустоту, и только сейчас до меня дошло, что она имеет ввиду продолжение деревни, которое я видела в глубине леса. - Нынче там народу немного, - она тяжело вздохнула. - Вроде как при последней... этой... переписи, чуть больше двух тысяч человек насчитали. А раньше, до войны ещё, пятьдесят тысяч было...

- Ммммм... - я шмыгнула носом, ибо запах кухонного средства почему-то вызывал першение в горле - отвыкла я руками посуду мыть, да. - То есть Вы не в общине родились?

- Я?! Неее, - Мария Михайловна махнула рукой, снова присаживаясь на табуретку. - Это мне шестнадцать было, когда с Родионом сдружились... Родители наши не против были, я крестилась заново в их согласии, замуж пошла... Двоих детей Бог послал - дочку и сына. Светка-то за границей живёт, не приезжает... А Славка тут, неподалече. Очень Родион огорчался, что дети из согласия ушли, сначала дочка, ед-

ва восемнадцать стукнуло, а потом и сын, - она всхлипнула, глядя в одну точку. - Всё говорил, что мои бесовские гены виноваты... - она грустно улыбнулась. - Не всерьёз говорил, но я всё думала, может и правда...

- А сами они... дети, что говорили?

- Да что-что... Знамо что - уехать хотелось, нет перспектив тут. Они вроде и от веры не отказались, но и молитвы не читают... - баб Маша виновато глянула в красный угол. - Да что там, я сама через раз уже... Не смогла я, как Родион, всю душу вложить... Да и как вложить? Хозяйство большое было, дети один за другим подрастали, да и новое что-то узнавать хотелось... Но он хоть и ворчал, но не сердился, говорил - каждому своё. А вот дети его разочаровали... Нет, Славка кланяется, конечно, когда приезжает! - она снова бросила взгляд на иконы. - И крест носит! Но это так... Чтoб меня не огорчать... И жена его совсем неверующая, аборт уже два раза делала - не хотят они деток пока, говорят - сначала надо на ноги встать, денег заработать, а уж потом о детях думать... А как мы-то жили?! В поле рожали... И ничего... И когда потом? Это кажется, что жизнь длинная да долгая, а самом деле моргнуть не успеешь, а уже и всё... - Мария Михайловна быстро смахнула со щёки слезу. - Ну да Бог им судья. Что ж теперь...

- Ну да... Не заставлять же их... - я уставилась в грязную кастрюлю, борясь с отвращением. - А Вы... Почему не там живёте? - мне хотелось продолжения рассказа, но без лиш-

них подробностей, ибо чужая жизнь - это всегда горько...

- А чего там? Там дом был большой, участок, огород, хлев на половину двора... Куда мне? Продала. Тут вот купила... А в детстве я жила на соседней улице! Я тут всё знаю... И всех...

- А кому продали? Разве кто-то захочет жить в религиозной общине?! - я действительно удивилась. - Или своим и продали?

- А ты думаешь, приезжих мало? - Мария Михайловна насмешливо вздохнула. - Каждый год приезжают. Кто по одиночке, кто семьями сразу... То нагрешат чего и замаливать едут, то душа чего-то там у них просит, то к корням и природе вернуться приспичит... Ну кого-то на год даже хватает, да. Иные и на пару месяцев не задержатся... Остаются совсем мало. Кто готов и молиться, и обряды блюсти, и трудиться, и по-настоящему осесть здесь...

По спине пробежала дрожь - я понимаю, да. Это надо быть совсем отчаянным или отбитым, ну или реально натворить в жизни что-то такое, что либо тюрьма, либо жизнь в общине. Каторга какая-то...

Поскребла ногтями дно казана, соскабливая пригоревшую капусту. Стиснула зубы, пытаясь мысленно отвлечься от процесса...

- И чего там, в общине? Свет-то есть у людей? Или только молитвами путь освещают... - хмыкнула, задавая тупые вопросы исключительно с целью порадоваться за себя и почувствовать собственное благополучие.

- Да всё там есть, скажешь тоже, - баб Маша махнула на меня рукой, приподнимаясь и хватая со стола чистую тарелку и сложенное полотенце - собралась вытирать вымытую посуду. - Не пещерные же люди. Им вон в том году столб поставили... Высокий такой... Чтоб интернет был...

Прыснула со смеху - ну тогда да, не так уж всё и запущено.

- Ааааа... Ну и слава Богу... - закусила губу, чтобы не улыбаться открыто. - А они сюда, в деревню, ходят?

- Та как же не ходят? - Мария Михайловна округлила глаза. - Там жеж не резервация. Вон трое только ушли от нас...

Аж застыла с намыленной губкой в руке. Сглотнула слюну...

- В смысле... Они - общинники?!

- Ну так конечно! - хозяйка вздохнула от моей непробиваемой глупости. - Колька, конечно, всё уйти порывается, но так и не уходит... Хотя туда ему и дорога - нет в нём истинной веры. Всё кривлянья одни. Лука скоро сменит отца Пантелеймона, наверное... Не то чтоб вера в нём от сердца жила, всё ж жену похоронил, тяжело это принять, но упорства ему не занимать, детей в строгости растит. Ванька вообще молодец - и невесту из своих взял, и ребятишки хорошие, там вера глубокая, ещё дедами и отцом воспитанная...

Блять... Прости Господи... А на вид вроде нормальные мужики... Я даже переспать вот думала с одним...

- Мдаааа...

- Пашка тоже оттудова. Молодой, горячий... В городе

учился. Вернулся - думали тоже уйдёт. А он ничего, сопротивляется внутренне, но держится... Женится скоро на своей... Хороший парень.

- Угу...

- Ну ты совсем засыпаешь на ходу! - баб Маша отложила полотенце на стол. - Бросай! Утром доделаю... - она безапелляционно закрутила кран и схватила меня за локоть. - Пошли, постелю тебе в кресле. Лука сказал, рано разбудить тебя... Дождя на завтра вроде не обещают...

На этом самом кресле моя выдержка сломалась окончательно. Я ещё как-то держалась, пока Мария Михайловна раскладывала эту грузную квадратную совдеповскую конструкцию, в реальности действительно оказавшуюся вполне вместительной кроватью. Вместительной от словосочетания "можно вместиться", да... Стойко помогала взбивать слежавшуюся перьевую подушку, вдевать в пододеяльник тяжеленное ватное одеяло и расстилать простынь. Но когда я переделась в выделенную бабой Машей ситцевую ночнушку с огромными пышными воланами на груди и по краю длинного подола, сила воли покинула меня окончательно и бесповоротно...

В глазах стояли слёзы. Да я и не прятала их в темноте, лёжа на жёстком ложе и задыхаясь под весом чужого одеяла. Почти не слушала, что Мария Михайловна тихонько рассказывает об этой дурацкой общине, о каких-то там староверах, об отличиях между другими толками и согласиями... Какая

мне разница по сути? Меня это вообще никаким боком не касается. Я просто хочу домой, в свою постель! Вместо того, чтобы находиться здесь и делить спальню с хозяйкой этого жилища...

Чуждость и чужеродность. Эти ощущения захватили сознание и подсознание, разум и чувства. Это не мой мир, не мои люди, не моя обстановка! И на этом фоне самым родным на свете казался муж...

Мне отчаянно, до боли в груди, до тошноты хотелось к нему... К самому близкому, самому лучшему, самому дорогому человеку... Просто уткнуться в его плечо, почувствовать знакомый до дрожи запах, просто знать, что он рядом...

- Ну ты чего, деточка? - баб Маша давно замолчала, прислушиваясь к моим беззвучным всхлипам, и только сейчас снова заговорила. - Чего сырость разводишь? Спать надобно...

- Домой хочется... - выдавила из себя, огромным усилием сдерживая рыдания.

- Так завтра поедешь, ну! Лука сказал - утром, значит так и будет! Надо-то ночь одну поспать...

- Д-да, з-знаю... - я всё-таки сорвалась, тихо шмыгнула носом. - Пр-росто не привыкла я... т-так...

Баб Маша помолчала немного. Несколько раз тяжело вздохнула, ворочаясь на своей кровати.

- А ты чего с мужем-то не живёшь, Снегурка? - её голос в относительной тишине ночи звучал участливо и почему-то

душевно. - Бог дал мужа - надо женой быть...

Тонко взвыла, кусая губы...

- Другая у него, баб Маш... Бросил он меня... А я... я хочу женой быть... О-очень х-хочу... - я почти заревела, поворачивая голову и утыкаясь лицом в подушку. - Он сам не хочет... Двадцать лет прожили...

- Ох ты ж горяшко... - Мария Михайловна вполне искренне посочувствовала. - Так, может, сейчас не хочет, а потом захочет... Примешь?

- Приму, - я лихорадочно втянула носом воздух. - И сейчас приму, и потом... Пусть только вернётся...

- Ой бедовая ты девка, Снегурка... - баб Маша протяжно зевнула. - Ну коли не вернётся, так Бог другого мужа пошлёт, чего убиваться-то так...

- Не хочу! Не хочу другого... - разревелась всё-таки... - Ему вон послал... Оксаночку эту! А мне нет! Одну оставил...

- А дети-то есть? Нажили деточек-то?

- Есть... Дочка... Сама скоро замуж пойдёт...

Мария Михайловна шумно выдохнула. Замолчала под мои всхлипы и стрекотание кузнечиков за окном...

- Ты послушай меня, деточка, - она снова подала голос. - Не поверишь, знаю... Но даст Бог мужа, коли замуж хочешь. Только ты этого-то прости... Вернётся, не вернётся, всё одно - прости, не суди...

- Да простила я его! - заскулила в ответ, натягивая одеяло на голову и жмурясь до кровавой рези в глазах, ибо от

всколыхнувшейся боли хотелось сдохнуть на месте. - Простила-а...

- Ну да... Не плачь попусту. Глупая ты... Поймёшь потом. Попомнишь мои слова... Спи давай. Как вставать рано будешь? Спи...

Проснулась от того, что Мария Михайловна, уже полностью одетая для улицы, тихонько теребила меня за плечо.

- Вставай... Поднимайся, хорошая моя...

Распахнула глаза. Сонно села на постели, пытаюсь проморгаться...

В окне яркой голубизной сияло небо. Где-то справа явно светило солнце, но сюда оно не попадало... Жёлтые теплые лучи стелились невысоко, только набирая силу - рассвет. Ветви деревьев легонько скрипели об оконную раму, цепляя зеленью сочной листвы стекло и собирая нежные блики подобно хрусталикам ловца солнца. Вовсю голосили птицы, их гомон слышался даже здесь, в доме, безумной звонкой мелодией. Погода угадывалась сразу - впереди будет ясный погожий день. От вчерашнего дождя не осталось и следа...

- Вот одёжка твоя, - баб Маша говорила тихо, монотонно, не нарушая эту гармонию утра. - Надевай. Потом сходишь умоешься, поешь... Лука уже ждёт...

Ждёт?! Мать вашу...

Проворно откинула одеяло. Быстро стянула безразмерную ночнушку, торопясь нацепить привычные вещи - лифчик, чулки, юбку-карандаш, обтягивающую водолазку с вырезом в районе декольте...

Мария Михайловна неторопливо вышла.

Закусила губу, глядя ей вслед. Схватила сумку, достала кошелёк, сунулась в карман для налички, ибо вариант с картой я мысленно сразу отвергла, выгребла все деньги... Положила на стол пару пяти тысячных купюр - этого ведь хватит, чтобы покрыть затраченные на меня расходы? В любом случае у меня больше нет, только мелочь осталась...

Разодрала спутанные волосы тонким чужим гребнем. Бросила взгляд в зеркало - наконец-то я стала похожа на себя прежнюю!

Выскочила из спальни вслед за вышедшей хозяйкой...

В топленой кухне пахло кипячёным молоком и дрожжевым тестом. Под потолком клубился влажный пар как в бане, из открытой настежь форточки лились птичьи переливы. На подоконнике лениво развалился кот, где-то тихо жужжала муха, слегка нутужно звенел холодильник... Идиллия.

Если бы не единственное "но"...

За кухонным столом сидел один из вчерашних бородатых мужиков. Лука, да... Что там баб Маша про него говорила? Вдовец, кажется...

Сглотнула слюну, когда мужчина поднял на меня тяжёлый взгляд исподлобья. Поспешно отвела глаза...

- Доброе утро, - поздоровалась первая, приглаживая юбку.
- Доброе, - тот ответил нехотя, будто одолжение сделал.
Подумаешь...

Мне не хотелось умываться, но Мария Михайловна строго кивнула на кран, разливая по чашкам чай. Пришлось про-

топать к раковине, включить кран и плеснуть в лицо холодной водой...

На столе уже стояла тарелка с овсяной кашей. Настоящей геркулесовой кашей крупного помола, а не мелкими хлопьями, которые я предпочитала запаривать кипятком, когда пыталась перейти на здоровое питание. Ещё на блюде лежала булка с маслом, рядом расположилась крошечная хрустальная розетка с вареньем, тут же стоял стеклянный кувшин с каким-то морсом... Это ж во сколько надо было встать, чтобы всё это приготовить?! Боже...

Я не привыкла так завтракать. Обычно утром у меня нет ни времени, ни желания заталкивать в себя хоть что-то, кроме кофе... Но и отказываться от заботливого угощения явно не вариант - обижать добрую бабульку перед отъездом желания не было никакого. Поэтому я лишь благодарно улыбнулась бабе Маше, усаживаясь на стул как можно дальше от сидящего за столом мужика...

- Кушай-кушай! - Мария Михайловна даже украдкой погладила меня по голове, когда я взялась за ложку. - Сил набирайся перед дорогой...

Судя по отставленной в сторону грязной тарелке, гостя Мария Михайловна тоже успела накормить. Что ж, остаётся надеяться, что ей это правда в радость...

- Подожду на улице, - Лука с грохотом отодвинул массивную табуретку, поднимаясь на ноги. - Спасибо, хозяйка!

- На здоровье, мой хороший! - баб Маша просияла, убирая

со скатерти опустевшую посуду. - С Богом... Сейчас, пусть она доест, не торопи... Чего они там, в городе своём, едят-то?.. Пусть покушает хоть каши...

Мужчина быстро перекрестился перед иконами, решительно вышел из кухни под тихие причитания Марии Михайловны...

Честно доела всё, что было предложено. Нетерпелось уехать, да... Но сейчас я отлично понимала, что момент уже настал, всё в моих руках, и торопиться бессмысленно. Через полдня я в любом случае буду дома...

- Всё, Мария Михайловна! - я встала из-за стола. - Очень вкусно! Спасибо большое! Теперь точно с голоду не помру! Даже останавливаться не придётся, чтоб перекусить где-то! Спасибо!

Та почему-то даже прослезилась, вдруг вскидывая руки и обнимая меня как родную...

- Ну ты береги себя, Снегурка... Я-то уже старая, коли что не так - не серчай... Захочешь - приезжай в гости-то... Чай не чужая уже...

Хотела было по привычке вежливо ответить, что обязательно заеду как-нибудь, но... Я не вернусь сюда, это и ежу понятно. Я вообще сомневаюсь, что сумею отыскать на карте это место, даже если захочу когда-нибудь... Но я не захочу. Просто приключение, которое неизбежно подошло к концу.

- Хорошо... - мой голос тоже почему-то дрогнул, когда я обняла старушку за худенькие плечи. - И Вы не болейте...

И меня простите, если что не так было... - я вдруг поймала себя на том, что глаза защищало солью. - Спасибо Вам за всё-за всё...

- Ну иди, иди уже... - баб Маша легонько похлопала меня по спине. - Лука ждёт... А у него и так работы хватает... Иди...

Послушно отвернувшись, схватила куртку, накинула её на плечи, взяла сумку, обула туфли...

- До свидания, Мария Михайловна! - я махнула хозяйке рукой, взялась за ручку двери, бросила последний взгляд на знакомую кухню, на красный угол... Улыбнулась, когда баб Маша торопливо перекрестила меня в воздухе... - Ушла.

Я решительно вышла в крошечный коридор, потом на улицу. Закрыла засобой дверь. Всё...

Спустилась с крыльца, радостно созерцая всю машину, стоявшую за забором. Заторопилась к ней...

- Ничего не забыла? - грубый мужской голос со стороны неприятно резанул по ушам. - Примета дурная - забыть что-то, вернуться придётся, - теперь в тоне Луки, шедшему мне наперерез по двору, слышалась колючая ирония. - Проверь лучше...

- Не забыла, - я кокетливо подняла подбородок. - Решили меня проводить? Очень мило, но не стоит...

Тот только презрительно отвернулся.

- Ты не проедешь. Я поведу до трассы.

Опешила слегка, с удивлением косясь на обогнавшего меня мужика. Остановилась, будто в стену врезалась...

Они тут все странные, да. Общинники. Связываться смысла нет.

Сдержала поток матов, вертевшихся на языке. Снова двинулась вперёд, наблюдая за тем, как этот наглый старообрядец уверенно и спокойно садится за руль моей Киа, заводит двигатель...

Просто ещё немного потерпеть. Возможно, он действительно прав, и я не смогу здесь выехать. До нормальной дороги тут всего ничего - километров семь, не больше...

Да блять! Я отлично вожу машину! Что за предрассудки вообще?!

Глубоко втянула носом воздух, перебарывая раздражение. Резко распахнула пассажирскую дверь собственного автомобиля, плюхнулась в кресло...

- Ну поехали, - я поджала губы, не в силах справиться с неприязнью к этому излишне суровому типу.

Лука ничего не ответил. Выжал педаль, вывернул руль, стартуя с узкого заезда, будто сидел за рулём моей машины сотню раз...

В воздухе витало густое, плотное, вязкое напряжение. Интересно, я одна его так чувствовала и остро воспринимала? Или этот... кхм... хороший человек тоже?..

Украдкой покосилась на мужской профиль.

Почему-то невольно содрогнулась - мужик реально огромный. Борода не длинная, но густая, пополам с проседью, совсем не модная... Кожа на лице грубая, загорелая, об-

ветренная, с глубокими складками морщин... Скучная серая тонкая трикотажная футболка с длинными рукавами, подтянутыми почти до локтей и открывающими крепкие мощные запястья, покрытые какими-то мелкими ссадинами и царапинами... Он вообще когда-нибудь улыбается?! Или только хмурится?

Поджала губы, отводя взгляд в окно.

Что там Мария Михайловна говорила? Вдовец вроде... Дети на нём остались...

Вздохнула, пытаясь представить жизнь молодёжи в деревенской общине - у них хоть школа-то есть? А потом куда? Судя по рассказам баб Маши - в город...

Под ложечкой неприятно засосало - я думала, это мне в жизни не повезло...

Снова покосилась на провожатого, уже мечтая побыстрее избавиться от его общества. Вдовец, надо же...

- Не смотри, - Лука внезапно процедил сквозь зубы.

Аж подпрыгнула от его злого резкого голоса. Поспешно отвела глаза, чувствуя себя вдруг уменьшившейся до размеров дюймовочки под натиском дикой подавляющей энергии, клубившейся вокруг этого человека...

- Не буду, - тихо ответила, ощущая, как по спине волной разливаются какие-то неприятные липкие мурашки, лёгкие схлопываются от нехватки кислорода, но сделать вдох почему-то не получается.

Страх?! Я б оценила это ощущение, как паническую ис-

терику.

Господи, помоги...

Сколько тут ехать? Я надеялась, минут десять, не больше, но дорогу реально размыло так, что нередко приходилось объезжать по обочине, иногда даже между редких стволов деревьев...

- Далеко ещё? - облизала пересохшие губы, пытаюсь контролировать каждый вдох и не поддаваться на чужое ментальное давление.

- Нет.

Выдохнула.

- Давайте сразу рассчитаемся... Сколько я Вам должна за ремонт машины? - говорить с ним было тяжело, как тащить камень в гору. - Сразу предупреждаю - могу только перевести на карту, налички нету...

Лука стиснул челюсти так, что по щекам прокатились желваки. Помолчал, объезжая поваленное поперёк дороги дерево...

- Мне не надо. Марию Михайловну отблагодари лучше.

- Я... - взметнувшийся было внутренний протест погас за долю секунды под его тяжёлыми, просто неподъемными из-за тона голоса словами. - Я отблагодарила, - опустила голову, почему-то понимая, что Лука имеет ввиду не только деньги. - Может, как-нибудь в гости приеду...

Лука внезапно бросил на меня короткий взгляд.

Отпрянула, чувствуя, как наотмашь бьёт паническая ата-

ка - столько в его глазах было сдерживаемой ярости, злобы, мечущегося огня...

Он уже отвернулся, угрюмо глядя в лобовое стекло на ужасную дорогу и стискивая оплётку руля одной рукой. Вторую руку расположил на подлокотнике, сжал пальцы в кулак, тут же выпрямил...

- Упаси Бог.

От резкой обиды вспыхнули щёки. Вот сейчас внутри разыгралась женская сучность, перевесившая сковывающее нутро напряжение...

- Почему?

Он снова хотел посмотреть на меня, но не стал, ограничился лишь взглядом на мои бёдра, обтянутые юбкой. Сгрёб огромной лапищей рычаг скоростей, дёрнул его, чуть сдавая назад, чтобы обогнуть наполненную мутной водой яму...

- Как тебя вообще сюда занесло?

Покусала губу, обдумывая ответ. Чуть улыбнулась.

- Пути Господни неисповедимы...

Снова резкий поворот головы, прожигающий насквозь презрительный взгляд исподлобья...

- Надеюсь, всё-таки случайность, - Лука прибавил газу, на этот раз не объезжая лужу, а ныряя прямо в неё и разбрызгивая по сторонам фонтаны воды...

- Нет в мире случайностей, - упрямо поджала губы, сама напрашиваясь на грубость, ибо плотная эмоциональная пелена, с каждой секундой нагнетающаяся внутри салона, ско-

вала не только тело, но и разум. - Кто, как не Вы...

- Приехали, - он резко ударил по тормозам. Машина как вкопанная встала посреди дороги, продолжая ритмично гудеть работающим двигателем... Лука тут же распахнул свою дверь, обернулся, глядя куда-то поверх моей головы... - Дальше сама. Не вздумай возвращаться. Ничего хорошего из этого не будет. От таких, как ты, вообще не бывает хорошего... - он недобро сощурил глаза. - Я передам Марии Михайловне твою благодарность, - его тонкие, почти бесцветные губы насмешливо скривились. - Уезжай и не возвращайся. Тебе здесь делать нечего.

В открытую дверцу уже вовсю ворвался свежий воздух, принося ароматы тёплого леса, гомон птичьих трелей, шум листвы где-то в вышине...

- Это мне решать... - я тоже открыто усмехнулась ему в спину, нетерпеливо перелезая на водительское кресло. - Или Господу... - язвительно добавила, пока за ним не успела с грохотом закрыться дверь...

Бросила взгляд в зеркало заднего вида, наблюдая за тем, как мужчина широким шагом удаляется от моей машины. Невольно залюбовалась ровной осанкой, мощным как скала торсом, уверенной походкой...

Почему-то ждала, что он оглянётся...

Но Лука лишь прикурил на ходу сигарету, ускоряя шаг.

Почти назло утопила педаль в пол, заставив автомобиль зарычать. Сорвалась с места, считая для себя очень важным

первой уехать из этой точки невозврата, ещё до того, как мужская фигура скроется за кустами ближайшего поворота...

Успела.

Впереди, среди редких сосен, блеснула гладь асфальтированной дороги.

Наконец-то! Домой...

Вечер давил на плечи невидимым, но плотным одеялом. Экран ноутбука светился в темноте холодным неоновым излучением, от него уже давно до рези слезились глаза. Тишина, разбавляемая лишь тихим шорохом процессора, сильно раздражала, но одновременно её совсем не хотелось нарушать никакими звуками вроде фоновой музыки или скрипа кресла. Хотелось спать и... просто спать. Но я знала, что не смогу уснуть.

Потёрла пальцами лоб, лицо. Отпила из бокала несколько глотков какого-то безвкусного вина, прекрасно понимая, что мне уже хватит алкоголя на сегодня, иначе завтра будет совсем плохо... Упрямо прокрутила колёсико мышки вниз, в сотый раз рассматривая Оксанкину стену. Закусила кулак, чувствуя, как слёзы новым потоком прорываются наружу...

Ни разу до нынешнего дня эта сука не выставляла на всеобщее обозрение их общие фото. Что заставило её сделать это сейчас? На этот вопрос у меня не было ответа, но мне очень хотелось его найти. Ибо с каждой минутой мой и без того валяющийся в руинах мир дрожал и плавился под новым натиском невыносимой боли...

Жадно разглядывала лицо Глеба - механическая скупая улыбка, какая всегда бывает у него на снимках, взгляд прямой, направлен прямо в объектив, рука на плече у этой...

Придурок, твою мать! Ты хоть знаешь, как я тебя любила?! Я всю жизнь к твоим ногам положила! Я ради тебя... Из-за тебя... Да что я вообще поимела с нашего брака?! Ты работал, ты жил на полную катушку, а я?! Когда-то давно, получив второе высшее, я мечтала открыть своё дело... Помнишь?! Снять небольшое помещение, сделать развивающую студию для детей... Что ты мне сказал, м? Забыл? Что эта затея изначально провальная, что я не справлюсь, только деньги спустим в унитаз! Дурой наивной, витающей в облаках, обозвал... Потом хотела пойти работать в частный детский сад воспитателем... Зарплату обещали достойную... Хочешь напомню, что тогда было?! Ты заявил, что я своей дочери внимания достаточно не уделяю, зато готова с чужими детьми возиться! Знаешь, как было обидно... А ещё я хотела репетитором... Объявление подать собиралась... Помнишь, скотина, чем это закончилось?! Тем, что ты обиделся на то, что мне мало денег, видите ли, и я недовольна тем, сколько ты зарабатываешь... А потом... потом я уже и не хотела нихуя... Ненавижу тебя, Глеб. Ненавижуууу... Но я же любилаааа...

Беззвучно завывала, допивая залпом бокал. Сотрясаясь в рыданиях и давясь солёными слезами, наполнила его снова...

Перевела взгляд на Оксану...

Несколько месяцев - достаточный срок для того, чтобы плюнуть на бывшую жену, то есть меня, и начать активно демонстрировать своё счастье с моим мужем?! Серьёз-

но, блять?! То есть мне типа уже не больно?! Или что, начался новый этап отношений, когда обо мне вообще можно забыть, будто меня не существует? Что, блять?! Сукаааа... Просто мразь... Как вообще можно было... Знала же, что он женат! Довольна, тварь? А мне теперь каково? Не знаешь? Ну узнаешь когда-нибудь... Думаешь, не коснётся? Веришь, что неприкасаемая? Ха! Я тоже так думала... Я... Я его любила... Так, как ты, сука, никогда не сможешь любить! Ненавижу...

Обоих ненавижу... Ненавижу!

Случайно толкнула локтём бокал, и он упал со столика на пол, расплескав вино, тут же впитавшееся в ковёр...

Завыла в голос, хватая бутылку и отпивая прямо с горла...

...Знаешь ли ты, вдоль ночных дорог

Шла босиком, не жалея ног...

Голосила на всю квартиру вместе с Максим, давясь каким-то мерзким пивом из пластиковой бутылки, которое раньше на дух не выносила. Периодически смахивала слёзы со щёк, тупо листая ленты соцсетей...

Ненавижу пиво. Но денег один хрен больше нет ни на что...

За окном серой пеленой висел пасмурный день. Дождь всё собирался, но никак не начинался. Город словно замер в ожидании...

Кажется, притупилось. Настолько, что смогла съесть пару бутербродов из засохшего батона и обветрившегося сыра. Кофе закончился, а значит придётся снова идти в магазин... И денег всего ничего...

Снова села перед ноутбуком. Открыла вкладку сайта занятости, привычно пролистывая свободные вакансии...

Блять, ну вот куда я теперь, а?! Кому я нужна в моём возрасте без опыта работы? Сколько нас таких, сорокалетних дур, которых бросили мужья, и всем нужна работа! Но у них наверняка хотя бы стаж какой-то имеется, а я что? А я просто дура...

Телефон лениво пикинул сообщением. Зачисление на счёт какой-то суммы...

Сердце болезненно дёрнулось - Глеб верен своему слову, всё вовремя, день в день. И от этого ещё унизительнее - всё, что угодно, лишь бы не давать мне повода звонить ему и беспокоить по пустякам...

Мать вашу, я не привыкла так жить! На выделяемые бывшим мужем средства, так щедро отрываемые им от нынешней "семьи"! Семьи, которая существует без году неделя, в которой ради него никто и палец о палец не ударил, где его никогда не полюбят так, как любила я...

Закрыла лицо ладонями.

Меня вообще когда-нибудь попустит?! Ну все же как-то выживают... Только почему так больно-то?! За что?

Чем острее необходимость найти работу, тем меньше же-

лания это делать... Хочется лечь и больше не просыпаться...

А зачем?

Дочь я вырастила, мужу не нужна... А я не могу, не хочу, не умею одна! Разве что бросить всё и свалить в деревню... Вон как было у бабы Маши...

Невольно улыбнулась, нет-нет да и вспоминая добродушную бабульку. Живёт же одна...

Телефон снова ожил ещё одной смс-кой. На этот раз лично от Глеба...

Добрый день. Пришли?

Сердце заполошно взвилось где-то в горле, руки задрожали...

Это про деньги? Он ждёт ответ, да? То есть это шанс с ним поговорить?! Сказать, что я... Рассказать, как мне... Объяснить, почему у нас... Попросить, чтобы он...

Да бляяаять...

Добрый день. Да, спасибо

Вышел из сети...

Нет-нет-нет! Стой! Глеб...

Лихорадочно нажала кнопку звонка, торопливо прижала телефон к уху...

Гудки.

Гудки...

Гудки...

Господи...

Это просто невыносимо...

Открыла в телефоне приложение, закинула в корзину банку растворимого кофе, хлеб, наугад ткнула несколько видов салата, нажала быструю доставку в течение часа, наплевав на её стоимость - не выходит у меня теперь тратить с пользой деньги мужа, только бухать на них отлично получается. А раньше я могла всё - и экономить, и откладывать на учёбу дочери, и Глебу сюрпризы делать, и себе что-то оставлять...

Нет меня той больше! Ничего нет...

Выползла в коридор. Накинула куртку с капюшоном, вышла из квартиры прямо в тапках - благо магазин с алкашкой есть на первом этаже с другой стороны дома...

Требуется работник клининговой компании...

Я - в клининг? Да я сама их услугами всегда пользуюсь, потому что ненавижу мыть окна и зеркала! И духовку... И батарею... И вообще...

Мимо.

Затушила в переполненную пепельницу окурков. Сделала глоток сладкого липкого молочного ликёра, поморщилась - угораздило же меня купить подобную дрянь. Раньше я и не подозревала о том, что существует такое разнообразие алкогольной продукции. А сейчас хочется перепробовать всё и найти то, что либо убьёт, либо уже сделает сильнее... Что вряд ли, да. Впрочем, не очень-то и хотелось.

Зевнула. Чёрт, опять уже час ночи...

Что там дальше? Желательно с минимальными требова-

ниями...

Требуется оператор машинного доения без опыта работы.
Возраст значения не имеет...

Чуть не прыснула дурацким ликёром в экран - ну нет, до-
яркой я точно не пойду!

Почему-то снова вспомнила домик в деревне - Мария Ми-
хайловна, наверное, уже спит и видит десятый сон...

К чёрту.

Захлопнула крышку ноутбука.

В комнате повис полумрак.

Свернулась калачиком на диване, наощупь накрылась
кофтой. Разблокировала телефон, заглянула во все мессен-
джеры - ну вдруг бывший муж случайно окажется онлайн...
Обняла подушку, чувствуя, как от соли в глазах тяжелеют
веки...

Телефон звонил и звонил...

Не могла оторвать чугунную голову от подушки. Нашари-
ла мобильник где-то на полу, прижала к уху...

- Да...

- Мам, привет!

Секунду приходила в себя...

- Да, дочь, привет... - я всё-таки заставила себя припод-
няться, щурясь от дневного света, заливающего комнату. -
Что... Что случилось?

- Ничего! Звоню узнать, как ты? - бодрый голос Марьяны

будто дробил барабанные перепонки. - Тут с папой говорили, у него всё хорошо! А ты как, ма?

Да бляяаять...

- Ещё лучше, - просипела, прикладывая ладонь ко лбу и чувствуя, как глаза снова наполняются слезами. - Если это всё, Марьяш, то давай позже созвонимся, я немного занята... - врать собственной дочери было противно, горько, тошно. Но уже привычно...

- А, ок! Позвоню ещё, пока!

- Пока... - отложила телефон.

Рухнула лицом в подушку...

Ненавижу свою жизнь. И трезвая её просто не вывожу...

Голова раскалывалась так, что даже мысли о бывшем муже не могли сделать хуже. Мокрые волосы раздражающе пахли шампунем, хотя обычно мне нравился этот аромат, солнце за окном светило слишком ярко, слепя обожжённые солью глаза, тело казалось тяжёлым и неповоротливым, не способным нормально держать вертикальное положение.

Да Господи, ну где эта чёртова щётка?

Я перерыла весь комод, все возможные ящики. Так и не смогла отыскать тонкую узкую насадку для пылесоса, которой обычно раз в неделю проходила по углам, под холодильникам и за унитазом. Как сквозь землю провалилась...

Остаётся одно - набраться сил, выйти из дома и забрать автопылесос из машины. Им и подлезть везде удобнее, и воз-

ни меньше...

Долго бродила между ванной и туалетом, перебарывая тошнотворное состояние и пытаясь себя мотивировать на то, чтобы продолжить уборку, а не послать всё в задницу. Наконец уныло взяла брелок, выползла на площадку... Дверь закрывать не стала. Спустилась вниз, вышла из подъезда, зашагала к своей Kia, припаркованной в третьем ряду и уже почти неделю не съезжающей с места. Боже, когда я наконец возьму себя в руки и снова сяду за руль? Хотя бы на мойку надо прокатиться - сквозь толстый слой глины и грязи даже цвет кузова невозможно не разобрать...

Брезгливо поморщилась, аккуратно открывая заклепленный грязевыми подтёками багажник. Привычно протянула руку...

Замерла как вкопанная, на миг решив, что я залезла в чужую машину.

Обычно пустое пространство было завалено доверху. Какие-то банки с соленьями и вареньями, сетка мелкой проросшей картошки, кулёк с сухофруктами, две клетки яиц, пластиковое ведёрко со сморщенными яблоками, явно пережившими зиму где-нибудь в подполье, пакетик с засохшими булками...

Машинально опустила взгляд на номер авто, с трудом различимый под налипшими комьями земли и пыли... Машина всё-таки моя. Вроде...

Подняла одну банку, на крышке которой корявым почер-

ком было написано "помидоры в с/с". Реально томаты в настоящем, густом соку... А ещё несколько видов аджики, солёные и маринованные огурцы, лечо, кабачковая икра, баклажанная икра, перетёртые с сахаром ягоды, желе, джемы... Всё подписанное и аккуратно составленное на резиновом коврике.

Может, я допилась до того состояния, когда творишь дичь, а потом ничего не помнишь? И по-пьяни я случайно ограбила или разнесла какую-нибудь палатку на рынке... Тьфу, ну это уже совсем.

Тогда...

Догадка осенила внезапно - это Мария Михайловна с помощью Луки загрузила в мою машину свои разносолы тем памятным утром. И даже ничего не сказала...

А я в свою очередь даже не удосужилась открыть крышку багажника ни разу за эти дни...

По телу медленно поползли согревающие щекотные мурашки - ну надо же... И стыдно вроде, что я так поздно увидела этот щедрый деревенский дар, и трогательно до какой-то резкой зашкаливающий нежности, и смешно отчего-то...

Эх, Мария Михайловна... Зря Вы... Не заслуживаю я таких сюрпризов...

Почему-то не смогла выбросить уже непригодную в пищу булку. Раскрошила её под деревом у подъезда - пусть хоть воробьи склюют, раз я не могу это съесть. На душе немного отлегло - всё ж не зря бабушка Маша пекла, получается...

За один раз забрать все банки не вышло, пришлось несколько раз загружаться, подниматься в квартиру и спускаться обратно вниз. Забавно, но голова, кажется, болеть меньше стала...

Пока носилась туда-сюда с пакетами, с умилением смотрела на то, как птицы весело щебечут под кустом акации, жадно глотая крошки. Даже голуби слетелись со всего двора...

Мне нетерпелось попробовать малиновый джем. От мыслей о нём во рту становилось вязко, кисло, приходилось всё время сглатывать слюну. Но я не спешила... Нагрела чайник, в кои-то веки заварила чай, тщательно убрала со стола...

Лишь после этого положила джем в маленькую пиалу, села на стул, поднесла ложечку ко рту, зажмурилась...

Вкус оказался божественным. В меру сладким, с небольшой кислинкой, с ароматом настоящей деревенской малины...

В груди светлым солнечным теплом проснулась благодарность. Она росла, крепла, формируясь в острую необходимость быть выраженной хоть как-то...

Я не принимала решение. Оно возникло само.

А почему бы и нет, собственно?! Что мешает мне иногда поддерживать связь с Марией Михайловной? Да, дорога длинная, но она мне в радость. Деньги есть на данный момент. И нужно обязательно купить баб Маше что-то необычное... Что-нибудь такое...

Напрягла память, впервые безболезненно и с удовольстви-

ем предаваясь воспоминаниям о большой добротной кухне хозяйки. У неё там определенные порядки и правила, да. И лезть в чужой монастырь со своим уставом будет не очень хорошо...

Идея возникла не сразу, но я в ней не сомневалась - электромясорубка. Ибо я видела в арсенале Марии Михайловны ручной прибор и помнила её разговоры о том, что на курник да кулебяку мяса надо ого-го сколько перекрутить, а потому лучше потратить день на запасы фарша, чтобы в нужный момент он всегда был под рукой... Мясорубка, однозначно. Простенькая совсем, ибо мудрёную Мария Михайловна и трогать не станет. А небольшую и удобную - легко...

Завтра же. Сегодня нужно выспаться.

К собственному удивлению дорогу я нашла сразу. Она будто вилась под колёсами машины податливой змейкой, в нужный момент подкидывая всплывающие в памяти ориентиры - старое поваленное дерево на обочине, горка крупных булыжников на краю когда-то поднятой целины, сейчас поросшей густой высокой травой и пёстрыми яркими цветами, обожжённая молнией верхушка сосны уже на просёлочной грунтовой дороге...

На этот раз я доехала прямо до ворот дома Марии Михайловны, сбавив скорость до минимума и с восторгом оглядывая смутно знакомые окрестности. Кажется, сама погода, состояние дорожного покрытия, маршрут - всё благоволило тому, чтобы я снова приехала в гости, да. И от этого хорошее настроение поднималось ещё выше, рождая в душе позабытый покой и гармонию...

Припарковалась на крошечном пяточке перед калиткой. Схватила коробку с подарком, пакеты с угощениями, выскочила из салона, бодро зашагала к дому, чувствуя себя гораздо увереннее, чем в прошлый раз, ибо я основательно подготавливалась к деревенским условиям - надела хлопковые бриджи, балетки вместо каблуков, сверху на топ накинула практичную непромокаемую ветровку, заплела волосы в французскую косу... Слишком уж мне хотелось исправить первое

впечатление о себе у хозяйки дома, да. Хотя ей, наверное, и дела нет особо...

- Мария Михайловна! - закричала во весь голос, не рискуя подниматься на крыльцо. - Мария Михайловна-а-а, Вы дома-а?!

- Тут я! - из-за угла послышался взволнованный приглушённый ответ. - Кто там?

В огороде она!

- Баб Маша, это я! Снежа... Снегурка!

Я поставила коробку и пакеты на ступеньку, направляясь вдоль дома на задний двор.

Хозяйка уже спешила мне навстречу, на ходу снимая перепачканные землёй перчатки.

- Тюююю! - она в радостном изумлении округлила глаза и широко раскинула руки. - Правда Снегурка! А я слышу - голос похож, но, думаю, куда там... В городе своём небось сидит... А она... Натё вам! Приехала! Явилась меня навестить... Девочка ты моя... - баб Маша, кажется, даже прослезилась, обнимая меня от всей души. - Ой... А я ж и не ждала... У меня и на стол ничего нет...

- У меня есть! - я широко улыбнулась, испытывая ни с чем не сравнимую и какую-то искреннюю радость - меня тут не забыли, рады видеть даже, будто я не кучу проблем принесла в прошлый раз, а действительно подарила людям счастье... - Давайте чаю попьем, Мария Михайловна! У меня и подарок для Вас есть! А потом я Вам помогу... - я кивнула на приба-

вившиеся за неделю аккуратные грядки за спиной хозяйки.
- Помощница из меня, сами понимаете, так себе, - я рассмеялась, краснея. - Но обещаю стараться...

- Ну ты... Ну красавица ты, Снегурочка, а... - баб Маша за-
семенила впереди меня в дом. - А я и не верила, что ты до нас
ещё раз доберешься... Думала всё, как доехала-то хоть... Лу-
ка сказал, до самой трассы тебя проводил, но путь-то неблиз-
кий... - она оглянулась на меня, будто всё ещё не веря своим
глазам. - А ты - вот она! Сама приехала... Соскучилась по
бабке-то и приехала...

- Конечно соскучилась! - я даже не врала, я действительно
скачала, оказывается... - И я очень рада, что Вы меня вспо-
минали... - теперь даже у меня на ресницах повисли слёзы. -
Думала, и как зовут забыли... - прикусила язык, едва не рас-
хохотавшись - как зовут и так не запомнили, да. Ну и ладно,
зато мне здесь рады...

- Пойдём, пойдём в дом, - Мария Михайловна, держась
за перила, прямо на крыльце сняла калоши, переобулась в
растоптанные шлёпанцы. - Сейчас и чаю нагреем, и пирогов
напечём... - она повернулась ко мне, взволнованно посмотре-
лась в лицо. - А ты надолго приехала, Снегурка? А то я тесто
только поставлю, а ты уже уезжать надумаешь...

- Не надумаю! - я открыто заулыбалась. - До вечера оста-
нусь! И с пирогами помогу!

- Ооой, - баба Маша расцвела на глазах, аж просияла. -
А то сын вечно приедет, зайти не успеет - уже обратно ему

надо... Чего там делать-то, в городе этом... Тут вон и воздух свежий, и продукты свои, - она сокрушённо покачала головой, - ан нет, всё бежать надобно... - она снова оглянулась на меня, с любопытством косясь на коробку в моих руках. - А чегось привезла-то? Большое чего-то...

- А вот сейчас и испробуем! - я торжественно водрузила подарок на кухонный стол, принялась сама сдирать упаковку. - Научу Вас как раз, как пользоваться! Сейчас...

- Ой! Это что? - баб Маша аж волновалась, тоже помогая мне освобождать содержимое коробки. - Ой... Чего это... Это куда... Мясорубка что ли? - она прокрутила в руке шнековый вал. - В розетку которая что ли?!

- Ага! Собирается как и ручная, очень просто, видите? - я быстро собрала трубу, закрутила гайку. - А потом надо только вставить эту конструкцию вот сюда, в пазик... Всё! Готово! - я повернулась к стене. - Работает эта розетка?

- Ту не надо! - баб Маша всплеснула руками. - Та слабая, погорим ещё... Вот сюды давай! Тут у меня хорошая розетка...

Я только улыбнулась, послушно залезая под стол и вставляя штекер.

- Ну, готовы? Шуметь только будет...

- Та я знаю, что шумит! У Вальки, соседки, есть такая... - баб Маша явно перенервничала, то и дело прикасаясь к корпусу и протирая рукавом заводские пылинки.

Я нажала кнопку, и мясорубка утробно загудела, мгновенно-

но набирая обороты и показывая свою мощь.

Глаза Марии Михайловны прямо-таки загорелись огнём - это сколько ж мяса можно переработать, да...

- Нравится? - я отключила агрегат. - Всего две кнопки - включить и выключить...

- Дорогая поди...

- Нет!

- Не соберу я сама...

- Всё точно так же, как ручная собирается!

- И у Таньки, что там вот, через дом живёт, тоже есть такая...

- И у Вас есть!

- И у меня есть... - баб Маша снова прослезилась. - Я-то не хотела всё... Сын предлагал... Но чего деньги тратить? Она и шумит, и электричество жрёт, и вообще... А сейчас... Ну раз уж уже купила...

- Уже купила! - кивнула, снова разбирая мясорубку по деталям, чтобы помыть. - Обратно не примут, мне сразу в магазине сказали!

- Не примут, да? - Мария Михайловна с надеждой подняла глаза. - Тогда конечно... Пусть уж будет...

- Пусть!

- А это ж на ней и это... И картошку можно, да? И морковь... И яблоки... Можно?

- Всё можно!

- Ну Снегурка... - хозяйка снова приобняла меня, погла-

дила по голове. - Ещё и с подарками... Садись, садись! Сейчас чаю нагрею... Потом тесто поставим... До вечера ещё далеко-о... Всё успеем... - она поспешила к чайнику. - Чем тебя сейчас угощать только...

- Вареньем! Малиновым... - выпалила, поднимая на стол привезённые пакеты и выкладывая на скатерть булочки из местной пекарни, небольшой торт, сливы с рынка, мандарины... - Я даже батон привезла, чтобы с вареньем есть! - я рассмеялась, глядя на качающую головой баб Машу. - Так что это всё Вам, а мне варенье доставайте...

Это оказалось не так-то просто - перекапывать грядки. Рыхлить, проливать, сажать какие-то крошечные семена по специальной досочке, чтоб рядки были ровнее... Забавно, конечно, но хлопотно и муторно. И грязно - я ходила по двору по колено и по локоть в земле.

Впрочем, был один существенный плюс во всём происходящем - в огороде я не постеснялась раздеться до трусов и лифчика, ибо с дороги меня всё равно не видно. Мария Михайловна, конечно, поворчала на это, но больше ради приличия, а потом и вовсе сама сняла кофту и косынку, оставшись в одном светло-сером платье с закатанными рукавами - упарилась объяснять мне все премудрости посадки рассады и поправлять мои огрехи, при этом умудряясь сама делать всё споро и аккуратно. И теперь я чувствовала, как к моему бледному телу, которого полгода не касался даже соля-

рий, намертво пристаёт ровный золотистый загар... Лицо уже ощутимо пощипывало, лопатки тоже, но я только радовалась этой возможности получить доступный витамин Д - загореть так ровно и красиво можно только на открытом солнце, да.

Повела плечом, неторопливо поднимаясь в полный рост, при этом весьма недвусмысленно оттопырив задницу. Утёрла несуществующий пот со лба локтём, выпрямляя спину и не забывая втянуть живот...

Я знала, что он смотрит.

Рыжий. Николай.

Стоит в тени яблони, не прячась, но и не привлекая внимания. Просто смотрит...

Мария Михайловна до сих пор его не спалила. А я заметила ещё минут десять назад, но виду не подала - приятно, когда мужик так пялится. Для нестабильной самооценки брошенной женщины вообще бальзам на душу...

- ...Нам ещё сухостой бы убрать... Малину-то! Вдвоём сподручнее... - баб Маша разговаривала просто так, не дожидаясь от меня ответа. - А то уже заросло всё, а там ветки сухие торчат...

- Бог в помощь, хозяйушки! - Николай всё-таки подал голос, громко и с присвистом, прекрасно зная, что сейчас ему влетит от Марии Михайловны. - А я мимо шёл, смотрю - машина какая-то! Дай, думаю, загляну, может случилось чего... - он насмешливо фыркнул, наблюдая за тем, как баб Маша театрально хватается за сердце.

Я только игриво рассмеялась. Закусила губу, неторопливо снимая грязные перчатки и принимая самую соблазнительную в моём понимании позу.

- Ах ты ирод!.. - Мария Михайловна быстро из полуобморочного состояния перешла в наступление, круто разворачиваясь и наставляя на незваного гостя тыпку. - Мимо он шёл, ага! Так и скажи, бабу голую посмотреть явился! Ух я тебя сейчас, Колька... - она замахнулась, шагая на него. - Чего зенки вылупил? Иди куда шёл! Паразиит, а...

Коля, хрипло смеясь, выставил вперёд руки, отступая к калитке.

- Да я соли вообще-то хотел попросить, баб Маш...

- Сгинь с глаз моих по-хорошему! Соли ему, етить-коло-тить... - она грозно оглянулась на меня. - А ты поди сарафан надень! Срамота! Ух я вас...

Продолжая улыбаться, прошла к лавке, где бросила выданный хозяйкой сарафан. Встряхнула его, принялась надевать так, будто это шёлковая сорочка...

- Снегурка! - баб Маша упёрла руки в бока. - Брось мне тут эти свои штучки! К вечеру все углы мне тут как мартовские коты приссут же!

Расхохоталась в голос, ибо разозлённая хрупкая Мария Михайловна представляла собой очень умильное зрелище.

- Больше не буду, баб Маш! - честно пообещала, стреляя в рыжего кротким невинным взглядом. - Пойду лук дальше

сажать...

- Я ещё зайду! - Николай выкрикнул уже из-за калитки.

- За солью...

- Иди уже! - баб Маша шумно выдохнула. - Вот мужики же, а... Ни одной бабы мимо не пропустят... - она сердито глянула на меня. - Малину пошли прореживать! Крутит она тут перед ними... Тьфу! Был бы хоть мужик путный, а это...

Вечер наливался темнотой. Неторопливо, постепенно, но основательно.

Дневной зной сменился томной прохладой, воздух наполнился влагой и свежестью. Ароматы луговых трав и садовых цветов стали ярче, острее, они практически горчили на языке, приторные и благоухающие. Стрекотание кузнечиков разрывало барабанные перепонки, над головой завис огромный звёздный небосвод, откуда-то слышались людские голоса и песни, иногда до слуха доносился лай собак. А ещё где-то совсем недалеко запел соловей...

Расслабленно откинувшись на спинку скамейки, чувствуя себя по-настоящему счастливой - я вымоталась физически, но совсем не устала морально, и это было очень непривычное ощущение. Когда есть стойкое понимание того, что день прожит не зря, что ты отдала этому миру столько, сколько смогла, нигде не скостив себе путь, выложились на сто процентов. А теперь можно расслабиться и отдохнуть, ибо есть полное осознание удовлетворённости собой и происхо-

дящим вокруг...

От чувства сытости клонило в сон. Деревянный уличный стол ломился от еды - мы успели наделать салатов, напечь пирогов, наварить картошки... Ещё баб Маша принесла свою наливку, поставила её рядом с морсом, но я так и не решилась попробовать - мне же ещё за руль. Впрочем, я уже почти готова была поддаться уговорам хозяйки и остаться переночевать, да. Но пока почему-то не поддалась...

Колька действительно забегал ещё дважды, но каждый раз баба Маша выталкивала его вшаей, называя "паскудником" и "хитрым чёртом", на что Николай только скалился и пытался подмигнуть мне из-за её плеча. Зря я, наверное, глазки ему строила...

Ещё ненадолго заходила соседка. Варя, кажется. Потом заглянула другая, постарше, с маленьким внуком, Вера Фёдоровна с перекрестка...

Мария Михайловна с радостью принимала гостей, делилась новостями и сплетнями. Я же просто сидела в стороне, умиротворённо наблюдая за деревенской жизнью...

Мысли в голове текли медленно, лениво. Да и мыслей-то не было - все проблемы будто отошли на второй план, превратились в фоновый шум. Хорошо-то как, Господиии...

Трель мобильного, внезапно ожившего в кармане кофты, воспринялась досадным недоразумением - ну кому что может понадобиться на ночь глядя?

Нехотя достала надрывающийся телефон, бросила непри-

язненный взгляд на экран - если это не дочь, то и отвечать не стоит, ибо остальные перебьются. Конечно, кроме...

Замерла на вдохе.

Моргнула пару раз, боясь поверить своим глазам.

С трудом сглотнула сухой ком в горле, замечая, как за-
тряслись пальцы, сжимающие корпус...

Глеб?! Правда он?! Сам... Сам мне позвонил?

Боже...

Будто очнувшись, торопливо приняла вызов, прижала мо-
бильник к уху, отвернулась от стола, зачем-то прикрыв рот
ладонью. Это - моё. Личное! Только моё...

- Да...

10

Молчание... Тонкое, дробящее пространство и время...

- Снеж, привет.

В груди сорвалась лавина. Чувств, эмоций, воспоминаний, адского болезненного счастья слышать сейчас этот голос...

- Привет...

Я сделала что-то хорошее, да? Это мне подарок свыше?

- Говорить можешь?

- Могу... - сердце замерло где-то в пустоте...

Снова молчание. Красноречивое, горячее, острое как бритва...

- Снеж, я не буду ходить вокруг да около, скажу как есть.

Ты только... только давай без истерик, ок?

Затрясло отчего-то. Засосало под ложечкой, в животе образовался вакуум...

- Ну... - я истерично усмехнулась. - Это смотря что ты мне хочешь сказать...

Молчание. Дурацкое молчание, что б его, будто мы совсем не родные люди! Как же злит это...

Шумный вдох в трубке...

- Снежан...

- Снеж, - поправила его дрогнувшим голосом.

Ничего хорошего он мне не скажет, если обратился пол-

НЫМ ИМЕНЕМ...

На глаза навернулись слёзы...

- Снежан, - он сделал вид, что не заметил моего замечания. - Тут такое дело... Ты только не думай, что это прямо завтра! - он возмущенно повысил голос, будто делая меня в чём-то виноватой. - Времени полно так-то...

- Глеб, давай уже, не тяни, - тихо всхлипнула, пытаюсь представить масштаб бедствия.

- Короче, Снеж... Снежан, я не смогу содержать тебя в ближайшем будущем. И квартиру нам всё-таки придётся продать и поделить деньги...

Ах вот оно что...

- А что так?! - язвительно взвилась, мысленно ненавидя и себя за слабость, и бывшего мужа за то, что испортил мне такой вечер. - Оксанка опять напела? То есть тот факт, что я с тобой с самого начала, с юности, помогала тебе, делала всё, чтобы ты мог зарабатывать деньги - это всё херня, да?! Она пришла на всё готовое! На то, что мне доставалось кровью и нервами столько лет! А теперь ты хочешь всё к её ногам кинуть, да? За мой счёт? Отобрать у меня и отдать ей? - мой голос сочился переполнявшей сердце обидой, мгновенно всколыхнувшейся внутри как затхлое болото. Самое страшное - рано или поздно он бы всё равно это озвучил, да, но я не думала, что так скоро... - Ну и кто ты после этого, Глеб?! - я знала, что бесполезно взывать к его совести, но... но так же нельзя... - Ты сможешь после этого спать спокойно? А сейчас

ты как...

- Снежан, Оксана беременна.

Показалось на миг, что я оглохла.

Ослепла.

Не смогла вспомнить как дышать или кричать...

Картинка в голове сложилась как-то цинично и без моего участия - она ждёт ребёнка, им нужна квартира побольше, деньги тоже необходимы, значит, это окончательно и... бесповоротно.

Нет...

Нет!!!

Нееееет...

- ...Конечно, Марьянке помогать буду, не думай... ..У тебя есть несколько месяцев, чтобы найти квартиру, не переживай... - до меня долетали только обрывки слов в динамике.
- ...Я не отказываюсь от ответственности, пойми, но мне тоже сейчас нелегко...

- Ты уже не вернёшься, да?... - я произнесла это тихо, почти про себя.

Но он услышал... Замолчал. Надолго.

- Снеж...

- Да или нет?! - заорала в трубку с невесть откуда взявшейся силой во всю мощь лёгких...

- Нет.

Завыла. Зарычала во весь прорезавшийся голос. Зарыдала навзрыд, с трудом втягивая в себя кислород, физически

ощущая, как разлетается вдребезги весь чёртов мир, и на меня сыпятся тонны острых неровных осколков...

- Ненави-ижу...

- Снежана...

- Ненавижу тебя! И суку твою ненавижу! - я протянула руку к бутылке с наливкой, зубами выдрала деревянную пробку, сделала несколько жадных глотков. - Как ты мог... Я же... Любила тебя...

Вздых на том конце.

Сука, он ещё и вдыхает! Он! А я...

- Снежан, я поставил тебя в известность. Надо что-то делать. Ты там пореви немного, но бери уже себя в руки, ок? У тебя было время прийти в себя и набраться сил...

Я осушила бутылку наполовину, совершенно не чувствуя вкуса.

- У меня было время?! Серьёзно, блять? - я редела бешеным зверем. - После стольких лет...

- Всё, Снеж, давай, пока.

Телефон разразился гудками...

Ошарашенно сидела несколько секунд, чувствуя, как накрывает алкоголем и... болью. Тошнотворной болью, делающей тело будто чужим...

Снова приложила к бутылке - я не хочу это чувствовать...

- Да куда ж ты... - подоспевшая откуда ни возьмись баба Маша мёртвой хваткой вцепилась в мою бутылку, не давая

сделать глоток. - Ох, окаянная... Куда ты заливаешь-то?! Ты ж помрёшь прямо тут! Крепкая наливка-то! - она потянула бутылку на себя, попыталась выдрать её рывком, но я на автopilоте не могла разжать пальцы. - Не надо, ну! Ох ты ж горяшко...

- Он не вернётся, баб Маш... - прохрипела, почему-то исторгая из себя булькающий надрывный смех. - Не вернётся...

- Кто? Бывший твой что ли? - Мария Михайловна плюхнулась на скамейку рядом, всё ещё пытаюсь справиться с флягой в моих руках, но уже не так настойчиво. - Да и этот... хрен с ним, Снегурка! Туда ему и дорога! - она совсем обмякла, просто поглаживая меня сухонькой ладошкой по плечу. - А ты чего, ждала, да? Ох ты, бедовая...

Ждала? Ждала ли я?!

Кажется, я только и жила этой мыслью все эти месяцы. Что не сейчас, но через пару лет, когда все любовные страсти улягутся и сойдут на нет, когда поутихнут эмоции, когда начнется самый настоящий быт - вот тогда Глеб непременно вспомнит обо мне. Не просто вспомнит, а очень захочет вернуться. Приползёт на коленях, умоляя меня простить его. А потом будет всю жизнь целовать мне руки за то, что я простила... Ну ведь так говорят все коучи и психологи! И я им верила! А он... Ребёнка заделал... Беременная...

Меня даже не огорчала мысль о необходимости продать квартиру - мне просто было не до того. Да пусть вообще хоть всё забирает! И квартиру, и машину, и всё на свете! За-

чем оно мне теперь... Без него... Гребаное совместно нажитое имущество, блять! Я лично наживала его для того, чтобы жить в семье! Чтобы просыпаться по утрам с мужем, чтобы пить с ним кофе на кухне, чтобы готовить ему обеды и ужины, чтобы вечером ложиться к нему под бок и мурлыкать от счастья! Нахера мне одной и эта квартира, и всё остальное? Да и сама жизнь такая нахрен не сдалась...

- Ну не молчи, девонька! - Мария Михайловна обняла меня двумя руками, пока я, закрыв лицо ладонями, громко выла в тишине тёмного двора, периодически делая глотки домашней настойки. - Ну скажи чего-нибудь бабе Маше! Ты выговоришься, тебе знаешь как полегчает? Ну-ну, хорошая моя... Боженька, он-то всё видит... Ты поплачь, поплачь, а потом успокойся... Найдёшь себе ещё... Мало что ли мужиков на свете?! Вон их сколько! Поплачь-поплачь... - она утешала от души, но мне от её слов становилось только больнее и хуже. - Такого себе отхватишь, что бывший этот твой и рядом не стоял...

Больноооо... Так, что ломает кости...

- Да где? Где я найду? - не выдержала, закричала в сердцах, отрывая руки от лица. - Мне сорок почти! Все, все мужики либо заняты, либо алкаши и маргиналы! Где я найду такого... чтобы... чтобы с Глебом не стоял... Где?! Нет такии-их... А у него и жена, и ребёнок теперь будет... Семья у него, понимаете?! А я одна... Одна! Кому я нужна теперь... - мой голос сорвался в истеричный шёпот. - Г-где я кого н-найду...

Я замуж хочу...

- Ой дура девкааа... - баб Маша тоже почему-то прослезилась. - Да вон их сколько! У нас тут полдеревни холостые! Выбирай кого хошь! Хочешь - Лёшку бери, он у нас тракторами заведует! Хороший мужик, до баб охочий, но хороший. Руки на месте! - она усиленно закивала, будто убеждая меня в том, что какой-то там Лёшка - идеальный кандидат мне в мужья. - А хочешь - к Фильке приглядишься! У него дочка красавица какая... Жена уехала, да так и не вернулась... По-старше, конечно, годков на пятнадцать тебя, но покладистый мужик...

Едва не застонала от подобной перспективы, пусть даже абстрактной.

- Не хочу я постарше... Не хочу! Я... Я же женщина, Мария Михайловна! - я громко всхлипнула, икнула. - Я... Я ещё... - понизила голос, отчаянно шепча в пустоту. - Я секса ещё хочу, баб Маш... Я не хочу старше...

- Ну вон Колька неприкаянный бегаёт! Бестолочь конечно, но сексом этим завалит тебя по самую макушку! - она тяжело вздохнула. - Да разве ж в этом счастье, Снегурка...

- Не знаю я! Не знаю, в чём... - заскулила с новой силой, но меня будто назло перекрикивали кузнечики, вдруг запевшие единым громкоголосым хором. - Я не хочу одна... Не умею...

- Так и выбирай! Деревенского не хочешь - в городе у себя приглядишься! Ну есть же у вас всякие эти... В интернете вашем... Ну где с мужиками-то знакомятся!

- Сайты знакомств? - тошно усмехнулась сквозь слёзы. - Я там давно зарегистрировалась, баб Маш, а толку...

- Тююю... Ну вот сейчас в себя придёшь, успокоишься, подумаешь как следует, и я тебя к Фоме свожу, хочешь? По-знакомитесь... Он, конечно, бездельник тот ещё, выпить да закусить любит, но мужик красивый... Все девки наши мимо него идут и глаз не отводят... Вдруг сложится? Молодой он, правда... - Мария Михайловна задумчиво поцокала языком. - А ещё Макар там у них! - она махнула рукой куда-то в лес. - Тоже ничего! Замуж может потом возьмёт! Если мамка евовная опять не влезет... Или Лука! Но у него детей трое штук аж... И вдовый он... Или вот Митька! Или ещё знаешь... - она на полном серьёзе крепко задумалась. - Так, кто у нас тут есть, кого не перечислила...

Баба Маша назвала ещё пару имён, но я почти не слушала. Замуж...

Сделала несколько глотков из бутылки, воспользовавшись тем, что хозяйка отвлеклась на болтовню. Утёрла сопلي тыльной стороной ладони, ощущая, как меня даже сидя ведёт в сторону. Моргнула несколько раз, растворяясь в собственном горе, чувствуя, как картинка перед глазами начинает сливаться в единый калейдоскоп, а в груди, на самом дне души, растёт и крепнет что-то тёмное, отчаянное, злое...

Замуж.

Вот так, одним днём.

Без лишних политесов, без пускания пузырей и прочей

романтической хуеты. Просто замуж. И вообще пофиг за кого...

Нет, я не надеюсь, что Глебу будет также больно, как мне. Не жду, что он сразу одумается и поймёт, кого потерял. Я знаю, что он и виду не подаст, но...

Но я себя буду чувствовать иначе. Особенно в противове-
се с бывшим мужем и его Оксанкой...

- ...Ты вот лучше сейчас вставай, вставай Снегурка! - баб Маша продолжала что-то мне внушать. - Да иди спать ложись! Утро-то вечера мудренее. А завтра и поглядим, с кем тебя познакомить...

- Мне надо замуж, - выдала свою версию событий, снова прикладываясь к бутылке. - Сейчас.

- Ну вот! - Мария Михайловна даже обрадовалась. - Ви-дишь! Сыщем мы тебе мужика по нраву... А пока давай в дом...

- Не надо по нраву. Ничего не надо! - я судорожно всхлипнула, чувствуя, как к горлу подступает дурнота. - За любого пойду, - я подняла голову, пытаюсь сфокусировать взгляд хоть на чём-нибудь. Зачем-то поднялась на ноги... - За любого, кто возмёт! - мой пьяный заплетающийся голос обрёл силу, и я даже хрипло рассмеялась, уверенная в своём хмельном решении. - За любого замуж пойду! - закричала в темноту деревни, изливая всю боль одиночества в собственный отчаянный вопль. - Хоть за чёрта лысого! Хоть за дурака мест-

ного... Пусть и старше будет! Плевать уже... - внезапно согнулась в три погибели, понимая, что больше не в силах бороться с тошнотой... - Плевать, баб Маш... - я нащупала рядом худую ладошку старушки. - За Кольку пойду... За этого... кого Вы там говорили, пойду... - меня вывернуло наизнанку, горечь заполнила горло и рот, и я упала коленками в траву, но продолжала бессвязно шептать. - За Митьку пойду... За Луку... За кого угодно, пусть только возьмут... - ещё один позыв к рвоте... И ещё...

- ...Да ты ж... - баб Маша затрясла меня как куклу. - Ты что удумала, шальная?!

- Замуж удумала... - просипела, почти счастливая в этом своём осознании. - Замуж мне надо, баб Маш...

- Ты проспись сначала! - Мария Михайловна совсем не нежно плеснула мне в лицо воды из остывшего чайника. - Вот если завтра по-трезвянке-то тоже самое скажешь - поверю! Будем думать! А сейчас-то чего? - она с недюжей силой потащила меня куда-то, кажется, в сторону дома. - Сейчас ты дура пьяная! Что с тобой говорить?!

- Я... Я уже не передумаю... - прошипела из последних сил, содрогаясь в новом спазме горечи и отползая на четвереньках куда-то в кусты. - Не передумаю...

- Выпороть бы тебя! - баб Маша стойко выдержала мои потуги, причитая на весь двор. - Вот непутёвая-то, а... Досталась же на мою голову... Бедовая совсем! Что делать-то с тобой? Замуж-то недолго... А потом опять сопли глотать?

Ой дура-девка...

- Мне терять уже нечего... - на этих словах я завалилась на бок.

На миг увидела над собой огромное ночное небо с миллионами мерцающих звёзд, ветки яблонь, травинки, склонившиеся лицо Марии Михайловны... Закрыла глаза.

Мне надо замуж.

Сон...

Явь...

Безумие.

Невыносимая душевная тоска накрывала внезапными урывками, не поддаваясь контролю. Накатывала волнами, душила внутренним неприятием ситуации, рвала на части эмоциональные границы. Она была сильнее меня...

Я прекрасно знала, где Мария Михайловна хранит свою наливку, как и припасённый "в оздоровительных целях" самогон. Но его я не трогала - инстинкт самосохранения за какими-то чёртом ещё работал...

Баб Маша едва не подняла тревогу, когда в сотый раз пришла с огорода и попыталась разбудить меня - я смогла только перегнуться через подлокотник своего кресла и сплюнуть в таз, который она уже дважды меняла за утро. Или за день... Но теперь не повезло - она наконец спалила уже почти пустую бутылку, которую я приныкала за изголовьем. Эх...

- Ах ты ж... - хозяйка в очередной раз осенила себя крестом, будто боялась кары небесной даже за матерные мысли. - Ну Снегурка... Тьфу на тебя! - она потрясла остатками наливки. - Вот шальная баба-то! Конечно, от такой муж сбежит! И следующий сбежит... В монастырь тебя, дуру, надобно! А то так и сгинешь со свету...

- Замуж мне надобно, - прохрипела, откидываясь на подушку и закрывая глаза. - У него семья... Я тоже хочу...

- Да кто тебя такую возьмёт?! - Мария Михайловна с презрением оглядела меня с головы до ног. - Хоть бы пить-то научилась! А то блюёшь только! А толку...

Всхлипнула, чувствуя, как раскалывается голова и ломит виски.

- Спать буду... Можно?..

- Спи! - баб Маша в сердцах окрестила несколько раз и меня, что-то бормоча себе под нос. - Замуж она собралась, а... Я-то надеялась, она и думать забыла, а она опять за своё... Тьфу одним словом! - хозяйка наконец развернулась к выходу из комнаты. - Пойду спрячу что ли... Пока всё не попортила... В таз не повыплёвывала... - она оглянулась на пороге. - К вечеру чтоб как огурец была! Там тебе уже звонили, дочка кажись... Я не брала, не знаю я, как ваши эти... телефоны пользоваться... И Колька приходил по твою душу! - она тяжело вздохнула. - Его я выпроводила, неча тут шлындать! - она снова отвернулась, выходя из спальни. - Так что спи...

Послушно закрыла глаза. Мгновенно вырубилась...

Птицы, чтоб им пусто было...

Разве можно так верещать с самого утра?!

С трудом открыла слипшиеся глаза. Тут же зажмурилась, едва не ослепнув от мягкого жёлтого солнечного света, бьющего прямо в лицо - оказывается, только закат...

Тупая боль в груди, уже физическая, не душевная - я ничего не забыла. Кажется, я даже в пьяном угарном сне чувствовала эту дикую вселенскую тоску - у Глеба будет ребёнок. Господи... Зачем мне вообще просыпаться в этом аду? Жить с этим, дышать, чувствовать...

Наверное, у каждого человека есть предел. И вот чья-то крошечная жизнь - это мой порог, за который я ступить уже не в состоянии. Я могла бы бороться до конца, могла бы надеяться до бесконечности, я не пожалела бы ни себя, ни мужа, ни эту суку Оксанку ни при каком раскладе. Но ребёнок... Это что-то запредельное. Это то, что дано Богом, это дар небес двум любящим друг друга людям... И я не имею права лезть в чужую судьбу. Для меня это обрыв, ведущий в пропасть. И я, кажется, уже лечу на камни...

В горле пересохло, и я с искренней благодарностью приложила к графину с водой, заботливо оставленному бабой Машей на табуретке, приставленной к разложенному креслу. Точнее, и вовсе не водой, а огуречным рассолом...

Кое-как спустила ноги с постели, всерьёз опасаясь не удержать равновесие от дикого головокружения. Попыталась встать... Зацепила чёртову табуретку, и та, покачнувшись, грохнулась на пол...

Через пару секунд слышались натужные шаги.

- Проснулась? - в комнату заглянула обеспокоенная хозяйка. - Наконец-то... Как себя чувствуешь? - в её голосе читалась искренняя забота. - Ужин уже, а ты...

- В туалет хочу... - я схватилась за голову, ибо её определённо сдавили какие-то невидимые, но очень ощутимые тиски.

- Пошли давай, отведу... - баб Маша помогла мне подняться, подставив сухонькое плечо и подав руку. - Ну ты вчера и учудила, Снегурка... Чего творила - это ужас! Замуж, кричала, пойду! За любого, хоть за дурачка местного... - она театрально схватилась за сердце. - Вот ты мне устроила-то... Страдалица, а! Ну сейчас-то хоть одумалась, бедовая? Надо оно тебе... Поживи немного, а там уж сердце успокоится, тогда и решение примешь...

- Я подумала, - поджала губы, опираясь на бабушкин локоть. - За дурака я, конечно, погорячилась, но за Кольку того же... Может быть... - я поморщилась.

- Чего, не мил тебе Николай? - баб Маша хмыкнула. - Ну и правильно!

- Там... - я силилась вспомнить хоть одно вчерашнее имя. - Другие вроде есть... Я сама познакомлюсь, только скажите, куда идти... - в моей звенящей голове уже роились мысли о брачном контракте, выгодном обеим сторонам. Правда, в чём выгода я пока не придумала, но идея мне нравилась всё больше и больше.

Мария Михайловна притормозила, поворачиваясь ко мне лицом. Нахмурилась...

- Ты серьёзно что ли, ну?! С ума сошла, девонька?

- Не хотите - не надо, - я упрямо стиснула челюсти. - Я

найду того, кто согласится... - я наконец зашла в крошечный туалет. Не стала запираяться на засов - мало ли что... - А не согласится - придумаю такие доводы, что согласится всё равно! - закричала через дверь, чувствуя, как меня мутит. - Вы не думайте, Мария Михайловна, я хорошая жена была! И не пила... И делала всё... Правда! - меня снова потянуло в слёзы. - Мне очень надо...

Едва я выползла обратно, как баба Маша снова подхватила меня под локоть.

- Правда что ли не передумаешь, Снегурка?

- Нет.

Она вздохнула так тяжело и обречённо, что мне стало её искренне жаль. Реально, зачем ей возиться со мной, если я сама в состоянии о себе позаботиться?

- Ты хорошо подумай-то...

- Я уже подумала, - я без сил рухнула в разложенное кресло. - Очень хорошо, честно.

- Ну как знаешь,... - Мария Михайловна махнула на меня рукой. - Смотри потом, сама напросилась!

- Сама, да... - я закрыла глаза. - Если никто не захочет - я Кольку вашего уломаю...

- А ты есть-то будешь? - баб Маша потрясла меня за плечо, уже не слушая мои сбивчивые разговоры.

- Неа... Посплю ещё...

- Оххх, дурная ты девка, Снегурка... - старушка махнула на меня рукой. - Тебе бы мужика ладного, чтоб дурью-то не

маялась... Чтоб поняла наконец, по чём фунт изюму...

Улыбнулась сквозь сон.

- Мне любого... Любой сгодится...

Проснулась от холода - баба Маша оставила в спальне форточку нараспашку. Зябко закуталась в одеяло, сонно оглядывая помещение...

Из окна тянуло сыростью, туманом и тиной, хотя небо уже вовсю золотилось солнечными лучами. Ошалевшие птицы чирикали так, будто находились прямо над моей головой. То там, то тут голосили петухи - рассвет. И явно ранний...

Хозяйки в комнате уже не было - она привыкла вставать ни свет ни заря. Кровать оказалось ровно заправлена, всё вокруг прибрано, мои вещи аккуратно сложены на спинке кресла...

Потянулась, осторожно прислушиваясь к ощущениям - голова, конечно, болит, да и тело ломит так, будто я с лестницы кубарем свалилась, но в остальном терпимо. Пить только хочется...

Обвела спальню глазами, в глубине души надеясь увидеть в шаговой доступности кувшин с водой. Не случилось...

Полежала ещё минуту, прислушиваясь к звукам в доме - интересно, баб Маша в кухне возится, или уже на свой огород ушла? Пересилив лень и головокружение, поднялась с постели, босиком дошла до закрытой двери...

Голоса за стеной.

Тихие, очевидно собеседники давно и неспешно разговаривают.

Напрягла слух - больше всех болтала баб Маша. Всё говорила, говорила что-то, будто убеждая в своей правоте...

Второй голос был мужским. Грубым, глубоким, отвечал редко, односложно и явно неохотно.

Обмерла почему-то... Приложила пальцы ко рту, теряясь в смутных догадках о том, что за беседа шла сейчас на хозяйской кухне...

Этого не может быть, правда?! Она же не восприняла мои слова о замужестве всерьёз?! Нет, я в принципе не против выйти замуж, но не за первого же встречного в самом деле! Боже...

Подавила желание распахнуть дверь и лично поприсутствовать при разговоре - успею, если речь действительно обо мне. Вместо этого осторожно взялась за допотопную ручку-скобу... Сглотнула ком в горле, с гулко бьющимся сердцем медленно потянула дверь на себя, приоткрывая крошечную щель... Не то чтобы я собиралась подслушивать, но, может, они там какие-нибудь удои молока или цены на зерно обсуждают, а я уже себе напридумывала тут...

Голоса стали заметно громче. Уже легко можно было разобрать слова...

- ...Ну вот и сам посуди, - Мария Михайловна говорила спокойно, уравновешенно, но её речь звучала очень сильно и убедительно. - Куда её теперь? Оно, конечно, дело-то такое,

сам понимаешь... - она вздохнула, помешивая чай в чашке.
- Ну вот ежели за Кольку... - слышался звук прихлёбываемой жидкости. - Да что я тебе объясняю, ну! Ну дура баба, так-то оно так, но зачем за Кольку-то? Чтоб две души пропащие были? А тебе-то нужнее, Лука Тихонович... У тебя детки... Им мамку надобно...

Шок. И... любопытство, да.

- Да на что она мне? - рокочущий мужской голос, преисполненный глухого раздражения, явно не разделял баб Машиного энтузиазма. - Куда мне такая баба, ну? Мне хозяйка нужна, чтоб с домом управляться умела, а не эта...

- Так воспитаешь как надо! - баб Маша, кажется, вообще не видела проблемы. - Она умелая, ты не смотри что срамная! Ты видел давеча, какие вензеля на пирогах крутила? Руки из нужного места у ней! И на огороде мы тут управились быстро... Ну не умеет, да, но быстро схватывает! - она снова вздохнула. - Ты не отказывайся так сразу, Лука... Ты подумай ещё... Пропадёт девка...

Затаила дыхание. Вроде бы обидеться надо, что меня за спиной так откровенно обсуждают, но вместо этого почему-то... до щекотки приятно. Даже сам тот факт, что речь действительно обо мне...

- Да что я с ней делать буду? - Лука повысил голос, теряя остатки терпения. - Ну как...

- Это мне что ли объяснять тебе, что с бабой делать? - баб Маша тут же с осуждением прикрикнула на него в ответ, пе-

ребив на полуслове. - Ты троих детей настругал и не знаешь, что с бабой в доме делать?! - она понизила голос до шёпота, и я с трудом могла разобрать слова. - Лука, Бог тебе женщину посылает. Крепкую, здоровую - вона как наливку мою глотала... Бери с благодарностью!

Покраснела до самых ушей. Чуть больше приоткрыла дверь, буквально на пару миллиметров, чтобы разглядеть сидящих за столом...

- Да не такую мне надо, ну!..

Взгляд мгновенно выхватил мощную высокую мужскую фигуру - сегодня Лука надел только тонкую льняную рубаху, которая с трудом сходилась на его груди и плечах. Явно уже успел поработать - рукава закатаны до локтей, ворот расстёгнут, короткая чёлка слиплась от пота...

- А нету других, хороший мой. Вот какая была у Боженьки самая лучшая, ту тебе и определил, - баб Маша казалась в три раза меньше его, сидя на лавочке в своём платочке и кофте. - А ждать-то, оно до старости можно, Лука Тихонович! Но кто за тебя, вдового, замуж пойдёт? Девы непорочные сразу мимо, сам понимаешь. Надежду холить, пока вдовицей кто из замужних станет - грех на себя брать. Порченная какая если только объявится... Так не объявится же, сам знаешь, как всех невест родня-то бережёт! Да и куда тебе девчонка малолетняя? Жизнь ей только сломаешь...

Лука не ответил. Стиснул зубы, залпом допил свой чай...

- Она не нашего согласия... - произнёс наконец глухо, буд-

то в бочку сказал.

- Ну была не нашего - станет нашего, - баб Маша разве-
ла руками. - Покрестишь перед венчанием, да и делов-то...
Крестик видел у ней на шее? Верующая, уже хорошо. Чего
тебе, бирюку, надо ещё? Бери и Бога благодари! А он нос
воротит...

Снова затянувшееся молчание...

- Чудить будет... - он уже не старался говорить тихо. - Ме-
ня вся деревня засмеёт...

- Зато ночью в постели тепло будет! - Мария Михайловна
с лёгкостью парировала любые доводы собеседника, нащёп-
тывая ему так, будто была на сто процентов уверена в сво-
их словах. - Что деревня?! Люди всегда судачат, тебе ли не
знать? Зато за детьми присмотрит. Ужином накормит. При-
ласкает...

На этих словах Лука холодно усмехнулся с явным скепти-
цизмом.

- Давно ли ты, Мария Михайловна, свахой заделалась?

Баб Маша чинно сложила руки на коленках и тяжело вздох-
нула.

- Да жалко мне её, Лука Тихонович. По-бабьи жалко. Сгу-
бит себя... А девка-то неплохая! Ей бы руку твёрдую... Му-
жика, что спуску не даст...

Лука сглотнул так, что даже я услышала.

Баб Маша продолжила после короткой паузы:

- Ну а кто ещё, Лука? Она ж бедовая, она и за Кольку пой-

дёт, и вообще за любого грозила, кто возьмёт, хоть за чёрта, прости Господи, хоть за дурака местного... А тебе как раз женщину в дом надо! Ну и ты бы пригляделся хоть - красивая же она у нас, Снегурка-то! Недаром Николай круги нарезает, тот сразу видит, нюх у него! А ты дальше своего носа ничего не видишь...

- Ну чего ты разошлась, Мария Михайловна? - Лука со злостью перебил её монолог. - Всё я вижу...

- Ну так лучше смотри! Хорошая девка! Упустишь - до старости один маяться будешь, помяни моё слово! Или вон не выдержишь и во все тяжкие пойдёшь! А у тебя дети! Тебе приход держать, примером быть...

Он криво усмехнулся.

- Не тянет она на примерную жену, никак. Ну сама же видишь, Мария Михайловна! Как я её к нашим бабам-то...

- А никак! Бог дал жену - даст и знания! Чего ты раньше времени...

- Бог дал, ага... - он снова жёстко ухмыльнулся.

- Ах ты, богохульник! - баб Маша притворно замахнулась на него тряпочкой для стола. - Так и дала бы по твоей голове бестолковой... Конечно, Бог дал! А ты ерепенишься и отказываешься! Второго шанса не будет, так и знай...

- Довольно, - Лука тяжело ударил ладонями по столу, завершая разговор и грузно поднимаясь на ноги. Зачем-то бросил пронзительный прямой взгляд в сторону моей двери, и я на миг забыла как дышать - столько отчаяния и озлоблен-

ности было в его глазах... Видел ли он меня? Вряд ли... - Я подумаю.

- Подумай, голубчик! Конечно подумай... - баб Маша тут же засуетилась вокруг него, провожая к выходу. - Подумай. А как надумаешь - приходи, как к невесте сосватанной... Сарай вон мне починишь...

- Сарай я и так починю, - Лука с укором посмотрел на хозяйку. - Чего раньше молчала?!

- Так говорю вот...

- А кто... - он на секунду задумался. - Ты что ли отдавать-то её будешь?

- Так я, кто ж ещё? Ты не об этом переживай, Лука Тихонович... - они уже вышли на веранду, их голоса постепенно стихали. - Ты подумай главное... С дочкой посоветуйся...

Я уже не слышала, что ответил "жених".

Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной... Сползла на пол...

Господи, что я наделала?!

Нет, я и сейчас не против замужества, но...

Деревня?! Община?! Чужой мужик?! Вот этот бородатый огромный угрюмый... бирюк, как его обозвала баба Маша?! Трое детей?!

Перед глазами всё ещё стоял тяжёлый прожигающий взгляд, который Лука бросил в мою сторону...

Я его совсем не знаю! Он... Я его боюсь!

Боже мой, да пусть у Глеба будет хоть пятеро детей, но он

- свой, родной! А этот...

Лука пришёл в этот же день, ближе к вечеру. Молча принялся разбирать хлипенький сарай, давно дышавший на ладан - там хозяйка хранила огородный инвентарь: лопаты, грабли, лейки, дуги для парника, прошлогоднюю пленку, какую-то корзину с засохшими масляными красками, не единожды промокшую трухлявую коробку со старыми обоями, ящики с рыболовной снастью, оставшиеся от мужа...

Сама Мария Михайловна словно и думать забыла обо мне, всё бегала во двор к подвернувшемуся помощнику с советами, с тарелкой еды, с разговорами, которые с кухни было совсем не слышно...

Мне она строго-настрого запретила выходить из дома, только молча покивала на моё признание о том, что я подслушала их утреннюю беседу. И вместо объяснений заставила меня месить тесто на пироги, потом принесла из погреба овощей на суп, потом и вовсе пошла топить крошечную покосившуюся баню, велев мне навести порядок в шкафу...

Наверное, я уже чувствовала себя здесь лишней. Ну не серьёзно же они всё это про свадьбу, правда?! И я бы уже уехала домой, да...

Но дела, которыми меня завалила хозяйка, вынуждали отложить возвращение в родной город хотя бы до вечера. Пришлось позвонить дочери и доложить о том, что я нахожусь

в гостях. И что нас ждёт серьёзный разговор на днях, ибо рассказывать по телефону о звонке мужа мне не хотелось. Вообще не хотелось думать про Глеба, потому что на глаза сразу наворачивались злые бессильные слёзы...

Потом поплачу. Всё потом, когда я наконец останусь одна в тишине своей квартиры... Которую нужно будет продать в обозримом будущем...

Блять!

Вытерла со щёки солёную влагу, отложила нож, не дорезав луковицу.

Отошла от стола, направляясь к окну... Отодвинула край цветастой занавески...

Баба Маша сидела на низкой пластиковой табуреточке и любовно перебирала какой-то хлам из сундука, явно отрытого среди другой утвари впервые за много лет. Поднялась на ноги, куда-то потащила рыболовную сетку...

Лука, скинув рубаху, строгал на наспех сделанном из подручных материалов столе какой-то брус. Звук электрорубанка был слышен даже здесь, в доме...

Закусила губу, невольно разглядывая практически незнакомаго мужика - как блестит от пота широкая спина, как перекатываются под кожей бугрящиеся мышцы, натренированные явно не в спортзале, а тяжёлым физическим трудом, как крепкая рука удерживает незакреплённую доску, пока вторая ладонь намертво сжимает инструмент...

Будто почувствовав мой любопытный взгляд, мужчина

выпрямился. Дробящий уши звук стих, и Лука откинул брус на землю к другим таким же, сделанным ранее. Неторопливо повернулся лицом к дому, демонстрируя могучую грудь, заросшую густой колючей порослью...

Отпрянула от занавески. Но тут же снова выглянула в оставленный зазор, прекрасно понимая, что вряд ли он сможет меня заметить в лучах закатного солнца...

- Любуешься? - за спиной раздался насмешливый голос Марии Михайловны, скрипнула половица. - Отойди, не позорься. Нельзя.

- Чего нельзя? - я послушно отступила от окна, поворачиваясь к хозяйке.

- На мужика голого пялиться нельзя, ну! Не муж чай! - она как-то хитро заулыбалась. - Пока что...

Покраснела как дура...

- Ну Вы же пялитесь, - буркнула под нос, возвращаясь к разделочной доске и луку. - Да и что я там не видела...

- Так то - я, а то - ты, - баб Маша махнула на меня рукой. - Сиди и не высовывайся, пока я не скажу...

Она засемила к холодильнику. Достала с верхней полки трёхлитровую банку молока, взяла большую пивную кружку, налила почти до краёв...

- Вот через пять минут выйдешь, подашь ему, - она поставила кружку прямо передо мной. - Волосы прибери... И пуговицу застегни! Сиськи того и гляди вывалятся... - она поспешила к двери. - Через пять минут, не раньше, поняла?

Пфффф. Он меня вообще-то и так почти голую видел! Подумаешь...

- Угу... - я проводила старушку глазами, чувствуя, как накатывает раздражение. Ну и традиции у них тут...

Снова положила нож. Тихонько подкралась к окну...

Мария Михайловна что-то вещала склонившему голову Луке, кивая на дом. Тот тоже бросил взгляд на стену, потянулся за брошенной на куст смородины рубахой... Надел её, будто напоказ поворачиваясь ко мне то спиной, то боком... Снова взялся за необработанную доску...

Догадывается, что я подсматриваю? Или уже знает наверняка...

Ладони почему-то вспотели. И вообще стало как-то тревожно и мутно - ещё полчаса назад я злилась на то, что меня не выпускают из дома, а сейчас как-то резко захотелось спрятаться и носа не высовывать...

Взяла чёртову кружку, поплелась к выходу. Застегнула пуговицу дурацкого балахона, как советовала баб Маша...

На улице было намного жарче, чем в кухне. В лицо сразу повеяло зноем, в нос ударил запах сена и перегретого асфальта...

Едва я свернула за угол, как Лука отложил рулетку. Выпрямился в полный рост, уперев руки в бока и без стеснения глядя на моё приближение...

Почему-то не знала, куда отвести взгляд, лишь бы не смотреть на него. Ноги стали заплетаться от чужого пристального

внимания...

- Вот, Мария Михайловна просила принести, - пробубнила, поставив кружку на импровизированный верстак. Тут же развернулась, заторопилась прочь...

Брошенное небрежно в ответ "спасибо" расслышала уже в спину...

Я пыталась улучшить момент, чтобы поговорить с бабой Машей. Видела в приоткрытую дверную щель, как она обхаживает гостя, предлагая ему приготовленные мною пироги "с вензелями", при этом на все лады расхваливая мои умения и старания. Зачем, спрашивается?! Тоже традиция? Господи, да я же всё равно не пойду замуж за этого человека! Вот влипла-то...

- ...Через месяц уже можно, Лука Тихонович, - хозяйка шелестела своим спокойным вкрадчивым голосом, будто пыталась ввести в транс. - Пока парник мне поправишь... Сенокос, конечно, в самом разгаре будет, да не страшно...

Лука молчал. Наворачивал мою стряпню как любую другую и просто слушал. Явно с таким же скептицизмом, как я...

Выдохнула, прислоняя ладонь ко лбу.

Боже мой, остановите кто-нибудь этот беспредел, ибо мне сейчас вмешиваться в их слаженный диалог просто стыдно...

За окном зашевелились кусты сирени. Сначала тихо, потом всё громче, будто кто-то продирался сквозь бурелом. Слишком громко... Даже треснула ветка...

Мать вашу, коты что ли дерутся?

Вздрогнула, когда в стекло неожиданно раздался тихий стук...

Показалось?

Спина мгновенно взмокла...

К Марии Михайловне кто-то пришёл? Так надо её позвать, наверное...

Стук повторился. Настойчивый и едва слышный...

Поколебавшись пару секунд, шагнула к окну. Отодвинула штору, намереваясь направить какую-нибудь соседку ломиться в кухонную форточку...

Застыла как вкопанная, увидев маячивший за стеклом мужской силуэт, едва различимый в темноте.

По спине пробежала будоражащая дрожь...

Николай?!

Его только не хватало.

Поджала губы, когда внезапный гость прильнул к окну, широко улыбнулся, махая мне ладонью и всем видом давая понять, что пришёл он как раз не к бабе Маше, а ко мне. А ведь она говорила, что Колька круги нарезает вокруг дома... Неужели правда?

Нерешительно оглянулась на дверь в кухню. Снова посмотрела на Колю, усиленно подающего мне какие-то знаки и призывающего к молчанию... Всё-таки повернула щеколду, осторожно открывая створку и впуская в спальню прохладный свежий воздух летнего вечера и переливчатую трель со-

ЛОВЬЯ...

- Привет, красавица! - Колька зашептал, уверенно протягивая мне банку с алкогольным коктейлем.

Не взяла. Проигнорировала приветствие, выжидательно глядя в его чуть хмельные светло-голубые глаза, обрамленные рыжими ресницами и сейчас казавшиеся дружелюбными и бесхитростными. Понятно, что это лишь впечатление, которое он пытается произвести, но так этот человек кажется менее отталкивающим, да.

Николай совершенно не растерялся от моей реакции. Невозмутимо поставил банку на подоконник, рядом водрузил свою початую бутылку пива, опёрся локтями о раму, лишая меня возможности закрыть её в случае чего.

- Чем занимаешься, Снежанка?

- Ничем, спать собираюсь, - я не стала шептать в пример ему, ибо мне скрывать нечего. Сложила руки на груди, ожидая, что ещё скажет этот незванный визитёр.

- Ну чего сразу огрызаешься... - Коля покрутил головой, бессовестно рассматривая хозяйскую спальню. - Ладно, спросить пришёл. Ты угощайся, угощайся... - он придвинул коктейль ближе ко мне. - Правда, что Лука к тебе сватается?

Да бляяять...

- Нет.

- А я слышал, что да, - Колька снова совсем по-мальчишески улыбнулся, между делом откупоривая банку и снова протягивая её мне. - А ты, стало быть, против...

- Не знаю я, что ты слышал! Это не мои проблемы... - я наконец приняла из его руки сомнительное угощение - пить хотелось давно. Как и поесть. А когда меня теперь в кухню позовут - большой вопрос...

- Ну не серчай... - Николай будто не брал мои слова в расчёт, не сводя масляный взгляд с моего лица. - Пошли лучше погуляем? Лука увидит, что у тебя другой интерес, и сам отступится...

Снова нервно оглянулась на дверь. Сделала несколько глотков вишнёвого напитка...

- Какой интерес? Ты что ли? - язвительно усмехнулась, стреляя в него глазами.

- Почему нет?

- Просто нет, - я отпила ещё коктейля, ощущая, как сухость на языке сменяется прохладной сладостью, а хмель ненавязчиво, но верно согревает кровь и расслабляет голову, с утра забитую всевозможными муторными мыслями. Главное - много не употреблять, да.

- Да брось... - Николай тоже отхлебнул из своей бутылки, глядя мне в глаза поплывшим преданным взглядом. - Ну пошли просто погуляем. На часик! Они даже не заметят твоего отсутствия! - он убедительно кивнул в сторону кухни. - Ты же сама по себе, раз про сватовство неправда. Да?! Чего тогда дома сидеть? Или боишься меня, м? - он сделал умильное выражение лица, которое меня выбесило бы на раз, но... не в эту минуту. - Я тебя не обижу! Ты красивая, совсем на

наших девок не похожая... - он мечтательно закатил глаза.

Не сдержала улыбку...

Мысли лихорадочно крутились в голове. Нет, гулять с этим прохвостом мне не особо хотелось, но летний вечер в мужской компании... И Лука сам отступится... Вариант же? Да и просто хочется вдохнуть свежего воздуха после этого дурацкого жаркого дня, проведённого у плиты ради какого-то сомнительного мужика, который мне по сути никто...

- Ну! Решайся, Снежана... - Николай подмигнул мне, снова присасываясь к своему пиву. Вытер рот и рыжую бороду тыльной стороной ладони... - Я весь день тебя караулил, между прочим...

Закусила губу, понимая, что его лживые слова вызывают во мне отклик - всё-таки приятно от такого настойчивого мужского внимания, да. Улыбнулась, качая головой...

- Давай, вылезай! - Коля озорно сверкнул глазами, отступил на шаг от окна. - Я поймаю...

Да что тут ловить-то? Тут перешагнуть можно.

Последний раз оглянулась на дверь в кухню...

Подобрала подол, залезла на подоконник. Протянула Кольке банку, сама спрыгнула в траву, оцарапавшись о ветку сирени...

Почему-то опьянела от собственной смелости и решимости. В конце концов, я всего лишь женщина, и почему я должна отказываться от возможности хорошо провести время?

- Быстрее... - Николай с недюжей силой схватил меня за запястье, потянул к калитке, не давая возможности передумать...

Стало отчего-то весело. И как-то легко...

Нас наверняка слышали в доме. Да и плевать. Я - свободная женщина, имею право... как и Глеб, жить свою жизнь. Она у меня тоже одна...

Это было действительно здорово - бродить под моросящий дождём по незнакомым тёмным улицам, окончательно заплутав в перекрестках; глазеть на разноцветные дома, совсем старые и не очень, высокие и низкие, давно погружившиеся в сон или ещё тускло подмигивающие окнами; пить какую-то дешёвую липкую бурду, на удивление не слабо бьющую по мозгам; купаться в мужском внимании - смеяться плоским шуткам, кокетничать в нужный момент, то и дело чувствовать на талии сильную уверенную ладонь, будто невзначай скользящую по спине, по ягодицам...

Понимала, что дурею от происходящего - от чужих интимных прикосновений, от аромата летней зелени и озона, от осознания себя наедине с мужчиной...

Конечно, Колька действовал топорно и льстил излишне пафосно, но это не имело значения. Мне просто было хорошо. Все эти его рассказы о деревенской жизни, о каких-то комбайнах, о полях с картошкой, о местном коровнике, где он подрабатывал одно время... Это было смешно. И... по-своему мило - он реально старался занять меня болтовнёй и искренне радовался, видя на моём лице улыбку. И мне хотелось ему улыбаться...

Конечно, я осознавала тот факт, что это путь в никуда, по наклонной в бездну. Но не могла отказаться от этой эйфо-

рии...

Нет, меня не обманывала Колькина напускная забота и слащавость - я прекрасно понимала, ради чего он это делает и зачем тратит время. Я даже не испытывала к нему симпатии, и уж тем более женитьба в наши общие планы явно не входила, да. С Николаем вообще всё было предельно ясно, без каких-либо недомолвок, и это казалось честным. Не то что с Лукой - тот даже не потрудился дать мне понять, что я ему хоть немного нравлюсь. И не попытался понравиться сам...

И вообще, когда я последний раз чувствовала себя вот так - уверенной в себе, интересной, сексуальной в конце концов?

В молодости разве что... Когда познакомилась с Глебом...

Даже вспоминать бывшего мужа оказалось уже не так больно, когда рядом шёл мужик, так очевидно пытающийся произвести впечатление...

Времени прошло гораздо больше часа. Накапывающий дождь как-то незаметно перерос в ливень, где-то над лесом загрохотал первый далекий раскат грома...

Я даже не удивилась, когда мы свернули в какой-то высокий почерневший от непогод сарай на краю деревни, оказавшийся сеновалом. Полной грудью вздохнула навязчивый аромат сухих трав, почти счастливая от того, что это случится именно здесь, на задворках мира, и никто никогда не узнает о случившемся...

Не сопротивлялась, когда Колька нагло полез целоваться,

опрокидывая меня на ворох колючей соломы. Попыталась ответить на поцелуй, но это оказалось неприятно - запах кислого пива, слюнявые губы, чужой нахальный язык во рту...

Отвернулась. Пьяно рассмеялась, мстительно думая о Глебе, когда мужские руки торопливо принялись задираť мой безразмерный балахон...

Сено кололось безбожно, но мне даже нравился этот царапающий дискомфорт - он отвлекал от душевного смятения и лишних мыслей. Темнота казалась абсолютной, и я невольно представила на месте Кольки мужа... С ним было бы иначе, да. По крайней мере, раньше... До того, как он мне впервые изменил с Оксанкой...

Ощутила мокрый липкий поцелуй на шее. На плече, на голой груди... Попыталась расслабиться, но не вышло - сердце билось как заполошное, а эмоции наоборот будто притупились.

Колька не замечал этого. Слегка навалился сверху, продолжая целовать. Пошло, развязно, больше лапая меня руками, стискивая ладонями грудь, явно получая от этого удовольствие. Дышал шумно, будто испытывал реально сильное возбуждение... Завозился с одеждой, на пару секунд оставив меня в покое...

Я не чувствовала ничего. Просто лежала под ним, наслаждаясь скорее самым фактом того, что я наконец-то нахожусь в мужских объятиях. Привычно повернула голову под натиском мужской ладони, покладисто разомкнула губы, ед-

ва их коснулась головка члена...

Непривычный терпкий вкус, чужое надсадное дыхание над головой, неудобная поза, выпитый алкоголь...

К горлу мгновенно подступила тошнота.

Со стоном дёрнулась в сторону, едва успев приподняться на руках, не в силах бороться с рвотным позывом...

Колька только усмехнулся. Принялся оглаживать ягодичы, пользуясь тем, что я стояла на четвереньках...

Блять, это уже перебор. Я не готова трахаться там же, где меня стошнило...

Попыталась было отползти в сторону, но Колька воспринял это как попытку к бегству - до хруста сдавил бёдра, перехватил локтём горло, заставляя меня замереть на месте. Навалился всем весом, подминая меня под себя...

Захрипела, задыхаясь под тяжестью его тела, чувствуя, как по промежности скользит горячий твёрдый член, сразу толкается внутрь... Затихла, ощущая, как Коля тут же ослабляет хватку...

Всего пара неистовых глубоких толчков, и он резко дёрнулся, со стоном кончая куда-то мне на поясницу. Тут же схватил меня за лодыжки, перевернул на спину, снова накинуся, нависая сверху... Вошёл грубым нетерпеливым рывком, буквально вбивая меня всё глубже в сено...

Если бы не проснувшийся страх, я бы даже попыталась получить удовольствие от такого напора. Но я чувствовала себя слишком беспомощной под натиском огромного муж-

ского тела, знала наверняка, что Николай меня не пожалеет в случае чего. Если придушит, то так и прикопает в этих чёртовых стогах...

Колька натужно сопел, ускоряя темп, а я просто смотрела в темноту высокого потолка. Беззвучно плакала, ощущая злорадное удовлетворение - я смогла так же легко и непринуждённо изменить бывшему мужу, как и он мне когда-то...

...Дверь сарая распахнулась внезапно, резанув по ушам громким протяжным скрипом, похожим на сварливое воронье карканье. Во тьме послышались торопливые тяжёлые шаги, и я затаилась, в панике пытаюсь спихнуть с себя потного мужика, который только что кончил мне на живот и сейчас просто устало распластался сверху, явно готовясь к очередному заходу...

- Блять... Ну сука... - в громком мужском голосе не было удивления, скорее только гневная презрительная констатация факта.

Лука?!

Мать Божья...

Николай успел лишь поднять голову, прежде чем откатился в сторону, получив чудовищный пинок под рёбра, частично зацепивший и меня...

Взвыла от боли, ощутив обрётённую свободу, машинально попятилась назад, утопая пятками в сене и царапая голую спину острой сухой соломой, пытаюсь одёрнуть подол...

Я видела лишь тени - как Лука с ледяным равнодушием

пинает снова, на этот раз по лицу Кольки, не дав тому даже подняться, но заставляя перевернуться на спину, как безжалостно бьёт лежащего перед ним человека кулаком куда-то в солнечное сплетение... Хватает за грудки и как попало отшвыривает в угол, хватает вилы, прислонённые к стене, направляя их на застонавшего Николая...

Заорала в голос. Завизжала так, что у самой заложило уши, завопила на одной ноте во всю мощь лёгких, сдавливая руками голову, царапая ногтями собственные щёки и до боли прижимая пальцы к зажмуренным глазам - только бы не видеть, не слышать, не знать, что будет дальше... Не прочувствовать, не запомнить момент, как вилы проткнут чужую плоть, как жизнь человека оборвётся так по-зверски нелепо...

Размашистая затрещина заставила заткнуться, и мой крик эхом повис в воздухе.

От боли зазвенело в голове, к горлу подступила горячая тошнота, половину лица будто залило парализующей обжигающей лавой...

Завалилась на бок, ощущая, как тёмные стены сарая вращаются перед глазами, как звон в ушах на миг лишает возможности слышать любые звуки. Через секунду сдавленно всхлипнула, когда чьи-то сильные руки безжалостным рывком содрали меня с пола, и мир вокруг закачался ещё сильнее... Попыталась вдохнуть хоть немного воздуха, плашмя ударившись животом о каменную руку и машинально отыс-

кивая ногами опоры, как куль с мукой перекинута через широкое мужское плечо...

Против воли бросила взгляд в тёмный угол, где лежал Колька...

Вилы были до упора воткнуты в сено совсем рядом с его животом. Сам он чуть заметно щевелился - тряс головой, держась ладонью за грудину... Кажется, я даже расслышала стон и посылаемое матом сквозь зубы проклятие нам в след...

Лука пронёс меня через высокую дверь. Чуть дёрнул плечом, перераспределяя мой вес...

На улице бушевал ливень. Лил с неистовой силой, но почему-то совсем бесшумно. Я слышала тяжёлые шаги человека, несущего меня на себе, его сильное размеренное дыхание, редкое чириканье птиц в придорожных кустах, звон комарья, далёкую музыку где-то на краю деревни, но не шелест дождевых капель, от которых крупными пузырями кипели лужи, блестящие в свете редких жёлтых фонарей...

Сил поднять голову, к которой с каждым шагом приливалась кровь, не было. Уже до мурашек затекли руки, шея, спина... Живот и вовсе припечатался к позвоночнику под весом собственного тела и тяжестью горячей ладони, удерживающей меня за поясницу. Слёзы давно не текли из глаз, их заменил хлещущий по лицу холодный дождь, от которого мой балахон за секунды промок насквозь. Как и мужская рубаша подо мной... Но замёрзнуть шансов не было - жар чужого могучего тела казался запредельным, от него в вечернем возду-

хе будто шёл пар. Я даже, кажется, чувствовала его скользкий пот, смешивающийся с моим потом и ливнем...

На первых шагах я лихорадочно пыталась предположить дальнейшее развитие событий - этот... Лука дотащит меня до трассы и вышвырнет на дорогу, чтобы валила ко всем чертям? Или всё-таки даст возможность переодеться и забрать машину?

Спросить не решалась - страшно и... глупо почему-то. И стыдно... Так, что хочется уже выслушать все упрёки и недовольство, скромно покивать, соглашаясь с ними, и просто забыть произошедшее как дурной сон...

Потом мысли куда-то делись. Совершенно иррационально стало клонить в сон - укачало. Сцепила зубы, думая лишь об одном - когда закончится эта дикая тошнотворная тряска, ибо уже хотелось в туалет, пить, просто оказаться на земле наконец! А Лука всё шёл и шёл, ни на миг не сбавляя мерный широкий шаг даже на перекрёстках...

Всё-таки с трудом скосила глаза, когда плечо подо мной чуть шевельнулось, будто разминаясь и готовясь скинуть осточертевшую ношу. Невольно улыбнулась от облегчения, преодолевая боль в пылающей после удара щеке, увидев знакомые очертания дома бабы Маши - на крылечке горит тусклый свет, калитка гостеприимно приоткрыта...

Лука, не церемонясь, пронёс меня через весь двор, даже протиснулся в двери, отчего меня замутило окончательно...

Сухая тёплая кухня показалась самым уютным местом на

земле. Но её Лука тоже прошагал мимо, повинувшись спокойному кивку Марии Михайловны, сидевшей на лавочке за столом и невозмутимо читавшей газету...

- На кресло её положь, - баб Маша глубоко вздохнула, снимая очки и аккуратно складывая их в футляр. - Живая хоть?

Лука промолчал, спихивая меня со своего плеча на узкую постель, отчего я больно приложилась бедром о подлокотник, едва не задохнулась, упав лицом в сложенное одеяло... Но это всё были мелочи - я проползла чуть вперёд, рухнула чугунной головой на подушку, испытывая ни с чем не сравнимое облегчение, почти счастье...

Господи, наконец-то привычное положение тела...

Он даже не посмотрел на меня. Развернулся, вышел из спальни, не удосужившись закрыть за собой дверь...

Повернула голову, наблюдая за тем, как Лука неторопливо подходит к сидящей бабе Маше, нависает над ней подобно горе. Тяжело упирается кулаками в стол, глядя в глаза абсолютно умиротворённой хозяйке...

- Это?! - его густой голос зарокотал на весь дом. - Это мне Бог послал?!

- Что заслужил, то и послал, - Мария Михайловна холодно пожала плечами, спокойно выдержав его взгляд. - Не хочешь - не бери.

Он отвёл глаза первым. Оттолкнулся от стола своими кулачищами, сделал шаг в сторону, утирая пот со лба локтём...

Снова метнулся к баб Маше, на этот раз ударяя ладоня-

ми о столешницу... Зашипел сквозь зубы прямо ей в лицо, с трудом сдерживая ярость:

- Завтра! Поняла меня?! Завтра утром приведёшь её на службу! - он глубоко втянул носом воздух, отчего мощная грудная клетка раздалась ещё шире. - Сам покрещу! А потом сразу Ануфрий повенчает... - он выдохнул, будто что-то горькое проглотил... - Не можешь сама с ней сладить - я смогу! - он бросил злобный взгляд в сторону спальни. - Бесовское отродье... - сплюнул с ненавистью...

- Завтра? - Мария Михайловна даже бровью не повела. Повернулась к висевшему на стене большому православному календарю, сосредоточенно пригляделась... - Хороший день для венчания-то выбрал, Лука Тихонович! Завтра так завтра, - она величественно кивнула, уверенно глядя ему в глаза, будто давая своё благословение.

Он сделал шумный вдох, раздувая ноздри.

- Сбежит - больше не пойду искать, - он с трудом сдерживал гнев. - Хочешь - к кровати её привязывай, хочешь - отпусти на вольные хлеба, не явитесь завтра - вопрос закрыт, - он решительно оттолкнулся от стола.

- На всё воля Господа нашего, на него уповай, - баб Маша спокойно стряхнула со скатерти несуществующие крошки, снова взяла в руки очки. - Ступай уже, Лука Тихонович, по своим делам. Помолись о душах грешных...

Лука только мрачно усмехнулся, бросив злой взгляд в сто-

рону икон. Тут же на миг закрыл глаза, будто читая короткую молитву, осенил себя крестом...

- Вот это правильно, - хозяйка одобрительно кивнула, снова разворачивая газету. - Иди, Лука. К Ануфрию зайди, предупреди.

Он только поджал губы. Развернулся на пятках, толкнул ладонью дверь, вышел из кухни не прощаясь...

Лежала, как громом оглушённая. Тупо смотрела в потолок, пытаясь переварить услышанное...

Господи, ты серьёзно?! Мне замуж за этого человека? Да не просто замуж, а в церкви, перед иконами...

- Кольку-то не убил хоть? - баб Маша неслышно зашла в спальню, села на свою кровать, принялась снимать платочек с седых волос. - Ох, Снегурка... - она грустно вздохнула. - А может и к лучшему... Чтоб сразу знал, кого берёт в жёны...

- Он... Я... - я всхлипнула, сглатывая слёзы, не находя слов. - Я с Колькой переспала, на сеновале, а он... Лука ваш... он видел... И...

- Так я и спрашиваю, Кольку-то не убил? - хозяйка вздохнула, глядя на меня с какой-то насмешливой жалостью.

- Н-нет... Но хотел... Кажется... С вилами на него пошёл... - я закрыла лицо ладонями, чувствуя, как накрывает откатом пережитой ситуации.

- Ну и хорошо, что нет, - баба Маша пересела ко мне на кресло. Погладила по растрёпанным волосам... - Поплачь, поплачь, девонька... А утром в бане тебя искупаю, помолим-

ся вместе - грехи-то и смоются... - она заговорила монотонно, тихо, певуче... - Значит, так Богу угодно... Поплачь... А завтра видно будет. Будет день - будет пища... Насильно-то тебя никто в церковь не потащит...

Я будто подорвалась из сна. Резко открыла глаза, прислушиваясь к себе...

Нет, ничего не снилось. Не было кошмаров, не мучает жажда, не болит голова, только лёгкий звон в ушах после вчерашних Колькиных дешёвых коктейлей, и щека болезненно распухла от затрещины...

Светло. Птицы гомонят на все лады. И прохладно - баб Маша опять оставила форточку открытой на всю ночь...

Сегодня какая-то там свадьба. В смысле, не какая-то там, а моя...

Закрывает глаза, желая оттянуть момент принятия решения о том, что мне делать со всем этим. Как свалить отсюда подобру-поздорову. Или... реально взять и прямо сегодня выйти замуж? Бляяаять...

Лучше поспать ещё немного, раз пока никто не будит, а там... Может, само рассосётся...

...В спальне кто-то зашевелился, послышался протяжный вздох, скрип кровати.

С удивлением повернула голову - Мария Михайловна ещё спала, положив ладошку под щеку и до самого подбородка накрывшись тяжёлым громоздким одеялом.

Господи, неужели ещё так рано?!

Приподнялась на локте, взяла с табуретки мобильник.

Пять утра...

Снова откинулась на подушку, глядя в потолок. Сна, как назло, ни в одном глазу.

Пойти покурить?

Покосилась на мирно спавшую бабулю. Откинула одеяло, осторожно поднялась с постели, босиком на цыпочках прокралась к двери...

На кухне было непривычно тихо и чисто - дом будто спал вместе с хозяйкой.

Улыбнулась собственным ощущениям - сейчас никто не станет меня добродушно одёргивать, ворчать, искать мне занятие, а значит - в данный момент я могу быть предоставлена сама себе. Мне очень не хватало подобного чувства все эти дни...

Повинуясь порыву какой-то внутренней лёгкости, включила кран, умылась холодной водой. Вытерлась белым полотенчиком, вышитым по краю красными нитками...

Настроение стремительно рвалось вверх. Особенно если не вспоминать события вчерашнего вечера и не думать о продолжении сегодняшнего дня. И вообще, после слов Марии Михайловны о том, что силой меня в церковь никто не потащит, меня будто отпустило. Ну извинюсь, скажу, что тогда несла чушь в пьяном угаре, и замуж мне совершенно не требуется. И уеду домой оплакивать скорое рождение ребёнка бывшего мужа от другой женщины и размен квартиры...

В груди отозвалась тупая монотонная боль - как я вооб-

ще дожила до такого?! И хорошо, что в данный момент я не в родном городе, а здесь - тут как-то легче воспринимаются любые события привычной жизни, более отстранённо что ли...

Зачерпнула ковшом родниковой воды из ведра, выпила. Потянулась всем телом, раскинув руки в стороны, радуясь чему-то невесомому, то и дело ускользающему из сознания... Захватила сигареты и зажигалку, тихонько прошла к выходу.

На улице... звенело утро. Какое-то необычное утро - ярко-голубое небо, запредельно высокое, от синевы которого режет глаза; полнейший штиль и безветрие, отчего кажется, что весь мир замер и нежится в первых лучах восходящего солнца; налитый густой свежестью и остатками тумана воздух, сырой, но уже отдающий предстоящим зноем, пропахший тонким ароматом садовых цветов; серебристые капли росы на траве, на листьях смородины и крыжовника, сверкающие россыпью самоцветов и искрящиеся огненными всполохами; повсюду абсолютно непуганная живность вроде кузнечиков, бабочек, божьих коровок, шмелей, пауков, жуков, мошкары...

В каком-то немом восторге стояла на крыльце, созерцая эту деревенскую картину. Конечно, я испытывала подобные эмоции и дома - когда настроение зашкаливает, когда за окном стоит шикарная погода, когда просто хочется жить, и неважно, что там будет дальше, но сейчас это ощущение казалось таким... правильным. Гармоничным, глубоким, зани-

мающим всю вселенную...

Надела шлёпанцы, сбежала с крыльца, свернула за дом к старенькой лавочке между грядок. Села, прикурила сигарету...

Кажется, в таком состоянии я могла бы изменить не то что собственную жизнь, а весь мир вокруг. Легко и непринужденно, не напрягаясь даже. Просто взмахнуть пресловутой волшебной палочкой и подарить всем на свете любовь, нежность, счастье...

Улыбка не сходила с лица от этих дурацких мыслей - хорошее утро, да. И такая до боли привычная потребность - поделиться этим состоянием с Глебом... Тихонько подойти сзади, обнять его, прижаться щекой к спине, не обращая внимания на недовольные вздохи и показную холодность в ответ, зашептать что-то пошлое и смешное на ухо, попробовать разговорить его, чтобы наконец увидеть на родном лице такую драгоценную улыбку... Нет, сейчас я, конечно, понимаю, что холодность была не показной, что улыбка изображалась лишь для того, чтобы я побыстрее отвязалась со своими глупостями, но так хорошо было верить в собственную сказку, жить в ней вопреки всем проблемам...

Тяжело вздохнула.

Мать вашу, ну неужели Глеб совсем не вспоминает подобные моменты?! Не скучает, не тоскует, не сравнивает меня и её в мою пользу, не сжимает мобильник в руке в неравной борьбе с желанием позвонить мне... Нет?! А вот я - да...

Закусила губу. Быстро открыла телефон, перелистнула вкладку на Оксанкину страницу...

Новое фото. Не одно даже...

Глубоко втянула носом воздух, чувствуя, как такой хрупкий и ненадёжный мир в душе рушится от одного дуновения ветра, как глаза мгновенно наполняются горькими жгучими слезами, как сердце отзывается испуганным болезненным спазмом...

Полёт на воздушном шаре - часть корзины, Оксанка всю улыбаётся на камеру, Глеб куда-то отвернулся, на заднем плане оставшийся далеко внизу бесконечный лес...

Лодка. Оба в оранжевых спасательных жилетах, она снова смеётся, он сосредоточенно протирает очки от брызг...

Боль никуда не делась. Она, как хамелеон, на какое-то время стала прозрачной, незримой, словно не успела так рано проснуться вместе со мной. А сейчас наконец проявилась в цвете. Она намертво окутывала меня своими щупальцами, каждую секунду протыкая кожу крошечными иголками и пуская в кровь яд, заставляя внутренне извиваться и хрипеть от удушающей агонии...

Легче не станет. Никогда...

Скинула шлёпки. Подтянула коленки к груди, обняла их руками, наблюдая за копошащимися в траве жуками и тихо всхлипывая...

Господи, почему я такая дура?! Как я вообще буду жить одна...

Зацепилась взглядом за какую-то травинку, уставилась в одну точку, чувствуя, как по коже ползут крупные мурашки, как изнутри продирает морозом...

Или не буду. Одна...

- Проснулась? - бодрый голос Марии Михайловны вклинился в мои нерадужные мысли. - Уже страдаешь с утра пораньше? - она добродушно усмехнулась. - Сейчас баньку стопим, чаю попьем... Да в церковь ихнюю ходим. Литургию послушаем... А там поглядим. Да, Снегурка? - она смотрела прямо, действительно просто интересуясь моим мнением, не пытаясь надавить.

Замешкалась - я не собиралась идти на службу... Пять минут назад так точно.

А сейчас...

- Ну... - меня затрясло. - Отличный план, баб Маш, - я шмыгнула носом, вытирая сопли тыльной стороной ладони. - Поддерживаю. Вот покурю ещё раз, и сразу Вам помогу...

Баня топилась жарко, почти по-чёрному. Запах дерева и горьковатого дыма резал глаза, сюда же добавлялся струящийся по телу солёный пот, и я просто задыхалась от тяжёлого влажного воздуха, стараясь прильнуть поближе к крошечному сквозному отверстию в стене, расположенному под самым потолком.

Баб Маша не церемонилась - хлестала веником так, что хотелось завывать и дать сдачи. Только сил бы всё равно не хва-

тило - на фоне непривычных физических мучений и родных душевных страданий, сдобренных усилившимся похмельем, меня будто приплющило к высокому полку, на котором я расслабленно распласталась животом вниз. Только хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на сушу...

Мария Михайловна уверяла, что после бани чувство будет такое, будто я заново родилась, но пока я сомневалась даже в том, что доживу до конца часа. Особенно после того, как она стащила меня на лавку, вручила веник, а на полку легла сама, велев мне попарить её хорошенько, ибо когда ещё доведётся...

И я честно пыталась, но почему-то не получалось - ни замахнуться как следует, ни правильно приложиться веником, ни дышать при этом так, чтобы не употеть за полминуты...

Наконец баба Маша махнула на меня рукой. Откупорила второе вентиляционное отверстие, побольше, приоткрыла дверь, давая возможность дымному пару просочиться наружу. Принялась наполнять водой большие эмалированные тазы...

Полегчало. А вскоре стало и вовсе хорошо - просто сидеть на лавочке внизу, неторопливо растирать себя жёсткой джутовой мочалкой, с удивлением наблюдая за тем, как под ней грязными лоскутами скатывается собственная кожа, болтать с хозяйкой обо всякой ерунде...

А ещё я то и дело бросала на старушку грустные взгляды, невольно думая о том, что вот так холишь себя, лелеешь, тра-

тишь кучу денег на салонные процедуры, стараешься продлить стремительно ускользающую молодость... А время всё равно берёт своё. И никакие пилинги и обертывания, скрабы и маски уже не помогут. Да и не нужны уже будут...

Но сейчас! Сейчас я ещё вполне молодая, правда?! И я не хочу быть одна... Не хочу безвозвратно стареть, надеясь когда-нибудь встретить так называемого своего человека, которому будет плевать на мой целлюлит и который полюбит меня исключительно за светлую и чистую душу, не хочу мёрзнуть одна под одеялом, не хочу подыхать от одиночества и выть ночами в подушку, пока Глеб обнимает свою Оксанку и нянчит малыша... Не хочу!

Но Лука...

- Баб Маш! - я поджала губы, отдавая хозяйке мочалку, чтобы она протёрла мне спину. - Спросить хотела...

- Так спрашивай, чего молчишь? - Мария Михайловна утёрла пот со лба, старательно принимаясь за дело.

- Про... Луку. Можно?

- Аааа... Так это нужно, а не можно, - она грузно опустилась на лавку с другой стороны тазика. - Чего знать хочешь? Как овдовел?

Прикусила язык.

- Ну и это тоже...

- Утопла она, - баб Маша привычно понизила голос, - упокой, Господи, её душу грешную.

- В смысле... утонула? - я сглотнула слюну, чувствуя себя

не в своей тарелке и уже сожалея о собственном любопытстве.

- Агась.

- Эmmm... Плавать не умела?

- Не умела, - Мария Михайловна согласно кивнула, доливая в таз кипятка. - Кой чёрт её дёрнул вообще в воду соваться... Мужики-рыбаки рассказывали - пошла в реку прям с другого берегу, да так и не вышла... Потом аж через три дня водолазы тело нашли, на десять километров по течению унесло... - она тяжело вздохнула, совсем ударившись в воспоминания. - Хорошая баба была. Крепкая. Я её совсем девочкой помню, как в невестах ходила... Бывало в поле женщины выйдут, а она самая статная, коса толстющая, как рука твоя... К ней и деревенские сватались, и из города жених приезжал... А она за Луку пошла. Люб он ей оказался. И жили они вроде хорошо, Лука с неё ажно пылинки сдувал... А потом родили вот третьего, там и Пантелеймон Луке приход обещал передать, а Ольга-то и сдулась... Уставать начала, не готова была матушкой для всех становиться... - баб Маша будто только сейчас вспомнила о том, что рассказывает эту историю мне, вроде как потенциальной невесте того самого Луки. Глянула в мою сторону повлажневшими глазами, тяжело выдохнула... - С тобой ему, конечно, вряд ли что светит. Но он и не рвался особливо... - она, спохватившись, вылила на себя ковш воды. - Так что, Снегурка, что там случилось - одному Богу известно. Может, сама на себя руки наложи-

ла, а может - зацепилась за корягу да вовремя не успела на помощь позвать... - она помолчала немного. - Лука тогда от горя волком выл,пил беспробудно. Думали, пропадёт уже и детей загубит... - она печально усмехнулась. - А он, как сорок дней прошло, так и бросил. И понабежавших нянек-бабок из дому разогнал. И с тех пор так и живёт... Один. С детками. Старшей вроде пятнадцать вот по весне исполнилось... - хозяйка задумчиво уставилась в окно.

Я ждала продолжения рассказа, но Мария Михайловна замолчала надолго.

Снова принялась машинально тереть бедро, колено...

Сердце почему-то колотилось как заполошное. Осознавать тот факт, что Лука так сильно любил покойную жену, было... странно. Жгуче-трогательно, волнительно-нежно, извращённо-ревниво... Глупо, ибо на любимую женщину я и близко не претендую. Максимум - на терпимо-дружеское расположение, на худой конец на благородное равнодушие. И тем не менее, сейчас Лука в моём восприятии уже не казался каким-то безликим бесчувственным сектантом, а воспринимался вполне реальным человеком...

- А... Зачем ему на мне-то жениться, баб Маш? - грустно улыбнулась, нарушив молчание. - Он и один вон как справляется, получается...

- Затем, что ему, как и тебе, одному никак, - Мария Михайловна только что глаза не закатила. - Только ты вот недавно развелась, а уже под Кольку легла, а он четвёртый год

один, без бабы мается.

Ну не в прямо смысле же один? Или...

- Зачем один-то? - осторожно спросила, внутренне напрягаясь. - Мало свободных женщин вокруг что ли...

- А с кем ему быть? Жена померла, для своих баб он прежде всего духовник, уважают его, конечно, но девку молодую ему не отдадут. У нас в деревне может и нашлась бы такая, - она смерила меня многозначительным взглядом, - которая постель с радостью согреет, но ему-то нельзя... Только опосля венчания можно. Чтоб веру сначала его приняла. А кто на таких условиях за него пойдёт? Вот ты за любого согласилась, а другие за любого не хотят...

Отчего-то закружилась голова, пересохло в горле.

- Н-не поняла сейчас... Он что... Все эти годы покойной жене верность хранил что ли? - от такого предположения волосы на всём теле встали дыбом.

- А ты как думала? - баб Маша строго посмотрела на меня, поднимаясь с лавки. - Он тоже на любой жениться готов, хоть и молчит, ну вот любая и подвернулась, - она кивнула на меня, подхватывая небольшой бидон с остатками холодной воды. - Заболтались мы с тобой, Снегурка, время идёт. Ещё платье тебе подобрать надобно, волосы заплести... Волосы-то у тебя хорошие, тонкие, но хорошие - небось, крапивным шампунем моешь, молодец...

Чего?!

Усмехнулась, вспомнив о том, сколько денег я трачу ежемесячно на то, чтобы мои волосы были в таком состоянии...

- Нууу... Почти...

- Готова? Глаза закрой! - баб Маша зачем-то размахнулась этим бидончиком...

Бляяять!

Шокированно распахнула глаза, когда на меня сверху опрокинулся ушат ледяной воды... Запоздало завизжала, жадно хватая ртом воздух, вскакивая с места под хитрый баб Машин смех...

Пройти предстояло всего ничего - преодолеть метров триста до жиденького и на удивление ухоженного лесочка, потом столько же по грунтовой заезженной дороге между кустов и редких зеленеющих деревьев. Эта граница будто негласно отделяла поселение старообрядческой общины от остальной деревни.

Я чувствовала себя по меньшей мере глупо - серо-белый льняной балахон, обтаченный белым хлопковым кружевом по узкому вороту, по длиннющему подолу и по широким манжетам необычно скроенных рукавов, казался доисторической ночной рубахой, хотя Мария Михайловна упорно уверяла меня в том, что это практически праздничное одеяние для посещения службы. Особо раздражал впитавшийся в ткань запах: смесь тонких трав и чуть затхлого средства от моли - наряд явно пылился в шкафу со времён молодости самой хозяйки... Повезло, что трусы, лифчик и балетки мне позволено было надеть свои - я б не удивилась, если б баб Маша заставила меня идти босой и без белья. Про причёску и говорить было нечего - ещё мокрые волосы висели сосульками, но Мария Михайловна вынудила меня нацепить тонкий ситцевый белый платок, даже сама заботливо повязала мне его вокруг шеи. Ещё она набрала какого-то хлама в виде старых гребней, расчёсок, выструганных из дерева за-

колок, хранившихся в резной шкатулке, очевидно, не один десяток лет... Любовно утрамбовала это добро в узелок. В эту же холщовую сумку положила мой паспорт, бормоча что-то о том, что неизвестно, как всё покатится дальше...

Волнения почему-то не было. Только тупая отстранённость, будто не я сейчас шла по изрытой колее вслед за бабой Машей в какую-то церковь, шпили которой виднелись даже отсюда, с края деревни...

- Мария Михайловна, а как... Как они там живут? - задала вопрос просто чтобы не молчать в дороге.

- Да как... Как и все люди, - та только пожала плечами, семеня впереди меня. - Ничего у них нет необычного. Ну разве что традиции свои соблюдают... - она вдруг остановилась. Оглянулась, скользнув по мне внимательным взглядом. - Ты их не бойся, Снегурка. Неужто никогда в церковной общине не бывала?

Покачала головой.

- Да я и в церкви-то всего несколько раз была... - покраснела. - Всё как-то не до того...

- Это не страшно, - баб Маша кивнула, снова продолжая путь. - Главное, чтоб душа к Богу тянулась... Крест носишь, смотрю. Это хорошо.

Нуууу... Ношу. Как украшение прежде всего. Потому что маленький медный крестик на тоненькой верёвочке, которым меня крестили в раннем детстве, я потеряла ещё в первом классе...

Промолчала, опустив голову. Но через пару минут вскинула взгляд, глубоко вздохнула, обозревая открывшуюся картину незнакомого поселения...

Это оказалось... немного не то, что до этой минуты рисовало моё воображение - совсем не похоже на полуразвалившиеся лачуги, притулившиеся рядом с какой-нибудь откопанной из земли часовней. И вообще...

Улица, на которую выходила тропинка, была широкой, ровной. Дома по обеим сторонам... разные. Но всё равно чем-то похожие друг на друга... Одноэтажные. Некоторые, с широким двором, припаркованными у ворот престижными автомобилями, ухоженным газоном и высокими грядками, явно намекали на присутствие второго этажа под высокой крышей, но это была всё равно мансарда, но никак не полноценный жилой уровень. Другие домики казались небольшими, уютными, с выбеленными плодовыми деревьями, милыми садовыми фигурками, россыпью цветов в горшках и на клумбах... Третьи и вовсе выглядели обычными деревенскими домишками, но ухоженными, свежеекрашенными, с огородом как у бабы Маши...

Деревянные панели в качестве наружного покрытия, чаще обработанные какой-то морилкой, белые блочные веранды - общий стиль домов мало чем отличался, не считая форм и размеров, только разноцветные крыши радовали глаз пёстрой расцветкой от сдержанных коричневых тонов мягкой кровли до ярко-красных листов профнастила, глубоких си-

них оттенков металлочерепицы, оранжево-жёлтых волн ондулина, серых тонов обычного шифера.

И везде - посадки, теплицы, сараи для скота...

Чуть дальше к лесу - просторное пастбище для коров, ещё дальше - огороженный загон с десятком гнедых лошадей...

Людей на улице было мало. Те, кого мы встретили, либо открыто кивали баб Маше, приветствуя, и абсолютно игнорировали меня, либо наоборот с интересом пялились в мою сторону, даже не замечая бабулю. Мужчин почти не было, только старик в валенках сидел на лавочке перед одним из заборов и любовно наблюдал за гурьбой резвящихся в луже детей, босых, в коротких шортах и майках. Женщины выглядели так, как я запомнила - либо длинные бесформенные юбки и странные тёмные рубашки, либо платья, чем-то напоминающие те балахоны, что Мария Михайловна презентовала в моё пользование. Все с косынками на головах, даже совсем молодые...

...Неожиданно где-то впереди глубоко и зычно зазвонил колокол. К нему добавились переливы других колоколов, более звонких и мелодичных...

Вздрогнула. Подняла голову, вглядываясь вперёд...

Мы прошли метров пятьсот, половину пути. Отсюда было прекрасно видно, что ровная улица упирается в храм. Или церковь. Невысокое строение из старого почерневшего дерева, достаточно большое по площади, с рубленными углами, оно не тянулось куполами ввысь, как наши привыч-

ные соборы, а прочно стояло на земле, ассоциируясь с толстым вековым дубом, намертво вросшим корнями в почву. Наверху тонко поблёскивали острые маковки, даже не золочёные, а бережно обитые небольшими кусочками какой-нибудь нержавеющей стали или железа. Без крестов. И тем не менее, почему-то сразу становилось понятно, что вся эта конструкция относится к религиозным постройкам...

Там уже толпился народ. И баба Маша вела меня именно туда...

Стало не по себе. Руки вспотели, пульс загрохотал в висках, вторя торжественному колокольному перезвону. В груди проснулся какой-то подлый иррациональный стыд - наверное, все эти люди идут к Богу с чистым сердцем, а я...

Нет, конечно, я верила в высшие силы. Знала одну молитву, пару раз пыталась поститься, начитавшись новомодных веяний в интернете, часто мысленно обращалась за помощью к Богу, почти не замечая этого... Но здесь явно было другое - люди шли в храм по зову души, тогда как я, чего уж врать самой себе, в данный момент хотела только одного - посмотреть в глаза Луке после вчерашних событий. Да и вообще просто увидеть его... Оценить его реакцию на мой приход сюда, усмехнуться в лицо, если он сделает вид, что ничего не обещал бабе Маше, просто полюбопытствовать, где и чем он живёт...

Тяжело вздохнула, пытаюсь нащупать внутри себя хоть крупницу раскаяния, но её не было. И за это тоже почему-то

было стыдно...

Господи, прости меня, дуру грешную. За то, что иду в церковь только ради какого-то сомнительного мужика, а не во имя Твоей благодати...

Храм стоял на излучине спокойной полноводной реки. Почти сразу за ним берег уходил вниз небольшим покатым обрывом, освобождённым от деревьев и кустов. И именно с этой площади лучами расходились другие дороги и улицы, сошедшиеся в единой точке здесь, перед старинным, величественным в своей монументальности строением.

Первое, что намертво приковывало взгляд - витражи. Это было поистине красиво...

Снаружи они вызывали удивление, дарили странное ощущение какой-то неправильной, несбалансированной гармонии - древние почерневшие брёвна и яркие, чистые, многоцветные стёкла. А внутри помещения... Красочные оконные узоры казались каким-то волшебством - они будто ловили солнечный свет, концентрировали его в несколько раз, пропуская через себя, и на выходе преломляли лучи в миллионы бликов, отблесков, переливов, зайчиков, пёстрых искр... Словно кто-то наложил на картинку сразу несколько фильтров - градиент, боке, контражур, и всё это сливалось в kaleidoscope хрустальных прозрачных красок. И это было... восхитительно.

Я не видела ничего из того, что происходило перед алта-

рём - впереди маячила довольно плотная толпа. Впрочем, я не сильно интересовалась самой службой - я в любом случае не заметила бы различий между нынешним и старообрядческим богослужением, ну разве что крестились местные двоеперстием, но я бы и на это не обратила особого внимания, если бы не баба Маша, то и дело что-то шепчущая мне в ухо - она явно считала, что я просто мечтаю знать всё об их приходе, и желала обрушить на мою голову тонну информации. Её предупреждение об общей исповеди, когда батюшка читает перечень грехов, а присутствующие каются в них мысленно или вслух, и вовсе вызвало во мне отторжение, и я только мысленно попросила прощения у Господа за то, что не сумела сохранить семью. Остальное почему-то совершенно не усваивалось - в одно ухо влетало, в другое вылетало...

Я просто стояла, устало переминаясь с ноги на ногу, и уже вполне искренне молилась о том, чтобы мне банально хватило сил терпеливо дождаться окончания службы - от запаха горящих свечей першило в горле, слезились глаза и кружилась голова, время тянулось просто невозможно медленно, от монотонного слабоватого голоса священника клонило в сон. Час? Два? Как же долго это всё, а...

Чувствовала, как накатывает разочарование - если Лука и присутствовал сейчас здесь, то увидеть его мне не удалось. Обещал, что покрестит сам... Передумал?! Тут явно скоро эта... процедура причастия начнётся...

- Баб Маш, сначала крещение или причащение? - шёпотом

задала вопрос, склонившись к Марии Михайловне.

- Крещение, крещение! - она глянула на меня. - Тут он, не переживай... Переодеваться пошёл... Сейчас одёжу сменит, сам подойдёт... - она снова вытянула голову, пытаясь что-то рассмотреть впереди. - Купели нет сегодня... Неужто на реку поведёт? Холодная вода-то ещё нынче...

Эммм... На реку?!

- Может, он решил обойтись этим... окроплением? - я внутренне напряглась, но тут же поймала недовольный осуждающий взгляд сразу нескольких человек в толпе и быстро заткнулась.

Баб Маша с жалостью покосилась на меня. Показательно глубоко вздохнула, всем видом выражая сомнение с моим предположением...

Вдруг к тихому немелодичному старческому голосу священнослужителя добавился ещё один. Сначала лишь на отдельных строках, узором вплетаясь в общее песнопение, а потом захватывая себе всё больше и больше стихов. Полилась какая-то иная песнь, чистая, громкая, зычная, явно исполняемая не во всю силу лёгких, но слышная в каждом уголке храма, даже здесь, у самого входа. Она неторопливо набирала мощь, будто ртуть проникала в тело, морозом забиралась под кожу, заставляла вибрировать что-то в груди, заполняла пространство под потолком, вынуждая каждого присутствующего благоговейно замереть на месте...

Сердце словно раз за разом обдавало кипятком - я зна-

ла, что это он, Лука. Его голос. И мне уже не нужно было его видеть, чтобы испытать всю гамму чувств от восторга до странной боязни - он всё-таки здесь. Пришёл, не спрятался, не отсиделся где-то в стороне, сделав вид, что вовсе забыл о своих вчерашних словах, произнесённых в запале... На лицо просилась дурацкая улыбка, и я кусала губы, скромно опустив голову, чтобы её не заметила даже баб Маша. Да и вообще, служба перестала вдруг быть такой скучной и нудной - я с каким-то восхищённым удовольствием и волнующим любопытством слушала очередную церковную молитву, даже зачем-то пыталась вникнуть в её смысл...

В какой-то момент песнь плавно сошла на нет, стихла. Люди продолжали стоять, и я только тоскливо вздохнула - когда же оно, наконец, закончится?

- Идёт! - баб Маша шепнула на ухо, схватила меня за руку, но тут же отпустила. - На реку поведёт, так и знала...

К горлу подступило тошнотворное волнение - я так долго ждала каких-то действий, что сейчас оказалась к ним совсем не готова... И зачем я только подгоняла время?! Мне и тут, оказывается, было неплохо...

Толпа стала расступаться - Лука шёл к выходу. Кажется, прямо на меня...

Слегка обомлела, увидев его в таком виде - белоснежное одеяние в пол, украшенное такой же белой вышивкой, полностью скрывающее массивную фигуру, величественно и горделиво шествующую по проходу... Сглотнула слюну, гля-

дя на огромные чёрные ботинки, появляющиеся с каждым широким уверенным шагом из-под подризника, зачем-то обратила внимание на фелонь - не укороченная, как принято, а ниже колена, и рук не видно...

Машинально попятилась, как и все, от идущего навстречу священнослужителя. Трусливо перевела взгляд на баб Машу, но она уже сбежала куда-то в небольшой церковный закуток для разговора с какими-то женщинами, закутанными с ног до головы в тёмное...

От волнения в горле встал ком. Сердце рвалось как в силах, ударяясь о грудную клетку и грозя выломать рёбра, дыхание перехватило, от недостатка кислорода в прямом смысле замутило.

Всё-таки набралась смелости. Подняла голову, затравленно встречаясь с Лукой взглядом...

Он смотрел на меня. Прямо, сурово, почти с вызовом. В его глазах не было того поверхностного умиротворённого спокойствия, которым он одаривал остальных присутствующих здесь людей, почтительно расступающихся перед ним. Была только злость, не затаённая, а отчаянная, бьющая наотмашь, электризующая пространство...

Тоже не рад меня видеть?

Что ж, всегда есть шанс просто пройти мимо. Цепляться за подол его облачения я, совершенно очевидно, не буду.

Но он не прошёл. Остановился в шаге от меня, повернул

голову...

- Пойдём, - прошипел сквозь зубы. - Самое время для... таинства твоего крещения, - он продолжил путь к выходу, будто не сомневался в том, что я последую за ним.

И я последовала... Не совсем сама, а после тычка в спину от Марии Михайловны, но поплелась гуськом за маячившей перед глазами белой ризой...

В какой-то момент в глубине души проснулась гордыня. Не гордость, а именно высокомерное несогласие с происходящим - какого хрена я должна бежать за ним по тропинке с крутого берега, цепляя дурацким балахоном крапиву и срезанные ветки кустов, а он даже не предложил мне руку? Будто это я тут сильно жаждала обряда крещения, а не ему приспичило...

Притормозила у берега, с открытым ртом наблюдая за тем, как Лука... ступил в реку прямо так, в своей белоснежной ризе, мгновенно вымочив тяжёлые длинные одежды. Не сбавляя шаг, прошёл около двадцати метров, оказавшись в воде почти по пояс... Приблизился к торчащей со дна железной табуретке, сваренной из кусков арматуры, остановился, резко повернулся лицом к храму, принялся привычным жестом подбирать подол фелони, закрепляя его где-то на груди...

Только сейчас до меня дошло, что это не табуретка, а что-то вроде престола - на него Лука уверенно уложил какую-то книгу, большой крест, что-то ещё...

Он реально собирается крестить меня прямо в воде?!

- Ну чего встала? - запыхавшаяся баб Маша потрясла меня за рукав. - Раздевайся!

Тупо хлопнула глазами, бросив взгляд вверх, на церковь

- там копошились какие-то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.